

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

ЧЕМУ НЕТ ИМЕНИ

(БЕДНОЙ ДЕВОЧКЕ СНИЛОСЬ)

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЕВРЕИНОВ

(1879 1953)

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

ЧЕМУ НѢТ ИМЕНИ

(БѢДНОЙ ДѢВОЧКѢ СНИЛОСЬ)

Пьеса в 3-х действиях и 8-ми картинах с эпилогом

П А Р И Ж
1 9 6 5 г.

© Copyright by A. Kachina-Evreinoff. 1965.
Tous droits réservés.

Пьеса “Чему нет имени”, как и уже опубликованная драматическая хроника “Шаги Немезиды”, задуманные и написанные в 1935-1937 годах, являются плодом долгих размышлений Н. Н. Евреинова о судьбах России. Те “баснословные года” были временем когда он особенно страстно интересовался событиями на родине, ибо то, что творилось там — коллективизация, чистки, процессы, вообще весь неслыханный сталинский режим, — настолько остро переживались им, что газетные новости и иным способом полученные “вести с родины” заполняли все его мысли. Вероятно, чтоб отделаться от этих кошмаров, он и задумал эти пьесы. В этот период нашей совместной 33-х летней жизни, мое влияние на него было особенно сильно. Я всячески старалась отвлечь его от вредно на него действующего непрерывного “политического обозрения”. Пыталась мысленно вернуть его в прошлое России, рисовала, как умела, картины будущего неизбежного возрождения. Так, во время наших частых прогулок по Булонскому лесу, сложилась у него фабула и ее персонажи. Я определенно знаю, что много из моего характера выразил он в лице Нюры и Серафимы Кондратьевны. Для Нюры он взял даже мое имя: — так меня в юности звали в семье. Серафима Кондратьевна — в ее поисках религиозного сознания, в привычном чтении Библии — тоже до некоторой степени мое отражение. Образ Шуры безусловно навеян моей младшей сестрой. Конечно, мы обе идеализованы, “романсированы”, “театрализованы”, говоря языком Евреинова. Я лично особенно люблю эту пьесу мужа: в ней, в противоположность “Шагам Немезиды”, много любви к родине, надежды на ее выздоровление от кошмаров, продиктованных местью, злобой, политической нетерпимостью и животным страхом...

Анна Кашина-Евреинова.

Д Ъ Й С Т В У Ю Щ И Я Л И Ц А :

Переплетчик ЛУТОХИН, Семен Иванович,
СЕРАФИМА КОНДРАТЬЕВНА, его жена,

НЮРА { их дочери,
ШУРА }

Старик СМОЛЬКО, Кондратий Петрович, их дѣд, — боцман “запаса”,

Доктор ДРОБНИЦКИЙ, Борис Борисович — военный врач,

МИША, его сын, — военный летчик,

Ксенія Львовна ПОНЧИК, — из “курсисток”,

Студент ВОСКРЕСЕНСКИЙ, Александр Емельяныч,

Фельдшер ПОТАПОВ,

ЛЕОНТИЙ, — сподручный Лутохина,

Кухарка ДАРЬЯ

И другие.

Действие начинается лѣтом 1914 года, под Петербургом (в Гатчинѣ).

ДѢЙСТВІЕ I

Картина 1-ая

На дачѣ у Лутохиных, в Гатчинѣ. Жаркое июльское утро 1914 г.

Сцена представляет собою просторную комнату с двумя окнами посрединѣ, выходящими в сад, за деревьями котораго чуть виднѣтся палисадник и улица.

У комнаты этой, — с бѣдным убранством “гостиной”, служащей вмѣстѣ с тѣм и “столовой”, — нѣсколько неправильная конфигурація, благодаря тому, что стѣна справа, в противоположность стѣнѣ слѣва, поворачивает (параллельно рампѣ и совѣм близко от нея) направо, образуя небольшой выступ.

На означенном выступѣ, прямо на виду у публики, висит изрядных размѣров календарь, на котором бросаются в глаза начертанія “1914”, “июль” и огромная красная цифра “24”, под которою, в скобках, черная цифра “11”.

В комнатѣ три двери: одна направо, у самой рампы, ведущая в переднюю, и двѣ налево: *ближняя* к рампѣ, ведущая в переплетную мастерскую, — откуда временами слышится легкій шум, характерный для массовой переплетной работы, — и *дальняя*, ведущая в спальни, на кухню и др.

Среди мебели, прежде всего бросается в глаза большой раздвижной обѣденный стол, стоящій близко к окнам и окруженный пол-дюжиной стульев, затѣм — мягкая комфортабельная тахта, занимающая дальній угол направо, и небольшой буфет, направо же, недалеко от двери. В простѣянкѣ налево нѣсколько полок с книгами.

При поднятіи занавѣса, за столом сидят Нюра и Шура и прилежно записывают в ученическія тетради то, что им, не торопясь, “вѣщает” студент Воскресенскій, расхаживающій по комнатѣ с видом лектора и изрѣдка останавливающійся у стола, чтобы заглянуть в книжку или в одну из брошюр, разложенных на столѣ. Это великовозрастный усатый малый, родственннй типу “вѣчнаго студента”, с “нигилистической” шевелюрой, — в черной косовороткѣ, под засаленной сѣрой тужуркой, в пенснѣ на шнурочкѣ, немного прыщавый, с чуть-чуть лоснящимся лицом, но в общем недурной собой и — несмотря на свою внѣшнюю неприязненность и смѣшное “вызывающее” поведение, — добрый русскій парень.

Нюра — на рѣдкость миловидная, граціозная барышня лѣтъ 18-ти, с подкупающе умным и сердечным выраженьем лица, с задушевным голосом и обаятельными манерами.

Шура — младше Нюры и намного уступает Нюрѣ в миловидности; это скорѣе подросток, чѣм сложившаяся дѣвушка и притом очень слабой комплекціи, жалкаго вида и с нѣсколько неуклюжими манерами; временами — особенно рядом с сестрою — Шура способна внушить впечатлѣніе полу-идіотки или экзальтированной дурочки.

СТУДЕНТ ВОСКРЕСЕНСКИЙ (*начавший говорить еще до поднятия занавьса, прїдстанавливает свое мърное хожденїе и заглядывает в одну из брошюр на столъ*) ...Таким образом еще в “Декларациі прав челоуѣка”, т. е. еще в концѣ XVIII вѣка, борцы за свободу настаивали, что “никто не можетъ быть обвинен, арестован или задержан иначе, какъ в случаях, опредѣленныхъ закономъ и согласно установленному порядку”. “Свободный обмѣнъ мыслями и мнѣніями составляетъ одно изъ самыхъ драгоценныхъ правъ челоуѣка; всякій гражданинъ, слѣдовательно, можетъ свободно говорить, писать, печатать, отвѣчая лишь за злоупотребленія этой свободой в случаях, опредѣленныхъ закономъ”... (*Снимаетъ пенсизъ, дышитъ на его стекла и протираетъ ихъ платкомъ*). Теперь эти блага, возвыщенныя в “Декларациі правъ челоуѣка” и отчасти уже завоеванныя челоуѣчествомъ, называются свободой слова, печати, свободой совѣсти, союзовъ и свободой собраній.

ШУРА (*дописываетъ фразу, слегка высунувъ кончикъ языка*). А что значитъ “свобода совѣсти”?

СТУДЕНТ (*слегка нервничая*). Прямо бѣда съ вами, Шура! — самыхъ обыкновенныхъ вещей не понимаете! Я же объяснилъ вамъ на прошломъ урокъ...

НЮРА (*заступаясь горячо*). Нѣтъ, нѣтъ! — Шура вовсе не такъ непонятлива! А только и вправду “свобода совѣсти” неудачное выраженіе!

СТУДЕНТ (*отышивъ*). Неудачное?!

НЮРА. Конечно! Лучше бы сказать “свобода религиозныхъ убѣжденій”! вотъ тогда всѣмъ было бы понятно. А “свобода совѣсти”...

СТУДЕНТ (*вызывающе скрестивъ руки на груди*). Ну разумѣется! — “Россійская Соціал-Демократическая Партія” разбирается хуже васъ в терминологіи! Надо было у васъ спросить! Вѣрно?

НЮРА (*спокойно*). Ну чего вы сердитесь?

СТУДЕНТ (*узвеленно*). Я?! Сержусь?!

ШУРА. Конечно!.. А ошибаться всякій можетъ!

СТУДЕНТ (*стучитъ карандашомъ по столу*). Дальше!..

ШУРА (*продолжая свое*). И соціал-демократы тоже!

СТУДЕНТ (*стучитъ вторично*). Я говорю “дальше”! Потому что если вы болѣе свѣдуши в соціальныхъ вопросахъ, то незачѣмъ было меня приглашать! — Занимались бы безъ помощи “репетитора”! Я вѣдь вашему отцу не навязывался: — он самъ уговорилъ меня пособить вамъ, в дѣлѣ политическаго просвѣщенія! Потому что стыдно быть недоучками, когда отецъ вашъ былъ сосланъ в Сибирь за свои убѣжденія. И вы должны быть достойны отца!

ШУРА (*наивно*). Мы же и стараемся!

СТУДЕНТ. А коли такъ, такъ нечего препираться со мною!

(Незадолго до этого, раздается приближающійся шумъ аэроплана, летящаго, какъ слышно, слѣва направо. — Дѣвушки, улыбаясь другъ другу, обращаются вслухъ не столько в направленіи къ своему “репетитору”, сколько къ шуму пропеллера и вдругъ, словно по командѣ, бросаются къ

окнам, у которых, с затаенным дыханіем, слѣдят за пролетающим аэропланом).

НЮРА (волнуясь). Это Миша!.. Мишин “Ньюпор”...

ШУРА. Нѣт, не Мишин! Тот совсѣм по-другому гудит!

НЮРА. Ну вот, будешь спорить! — Это “Ньюпор”!

ШУРА. “Ньюпор”, но не Мишин!.. Тот летит, словно воркуя, а этот...

НЮРА. Я же не глухая!

ШУРА. Я тоже!

СЕРАФИМА КОНДРАТЬЕВНА (появляется слева из двери в глубинѣ. Это молодая красивая женщина, с типично-русским “иконописным” лицом; — все время кажется, что внутренний огонь словно пожирает ее, отражаясь жгуче в ея огромных глазах). Никак подпоручик Дробницкій летит? А?.. Словно бы его аппарат?

СТУДЕНТ (протирает пенснэ, с недовольным видом, и взирает на небо, в окно, прищуренными глазами). И откуда это вы научились различать так хорошо, чей аппарат, кто летит, куда летит и тому подобное?

СЕР. КОН. Господи! Да поживите с наше в Гатчинѣ и живо научитесь различать и “Моран” и “Фарман” и “Ньюпор”! Вѣдь аэродром здѣсь близехонько! Развѣ вы не знали?

НЮРА (хлопая в ладоши). Миша!.. Миша!.. Это его мотор!

ШУРА. Нѣт, не его!

СЕР. КОН. (студенту). Вы как скоро отзанимаетесь с дочками?

СТУДЕНТ. А что?

СЕР. КОН. Да уж пора к завтраку накрывать, — ждем лишь мужа! (*Слева, следом за Серафимой Кондратьевной появляется ея отец, старик Смолько, — в потертой флотской тужуркѣ, с боцманскими отличьями*).

СМОЛЬКО (говорит хриловатым добродушным тоном “напрямки”, характерным для “морского волка”, и притом с украинским акцентом). Сима!.. Куда ж ты дѣлась, сѣрденько? Ась? Обѣщалась пришить пуговицу, а сама с иголкой сховалась!.. (*Увидѣв Студента*). Здравія желаю, господин студент!.. Як Бог милует? (*здоровается*). Нѣ черезчур того... маетесь с дивчатами? Ась?.. Вы с ними послабже! Помилосердствуйте трошки! Бо онѣ ще махонькія!

СТУДЕНТ. Помилуйте, Кондратій Петрович! — Какія же онѣ “махонькія”? — вашим внучкам уж замуж пора! Такія кокетки, что страсть! А уж своевольныя, упаси Боже!

СМОЛЬКО. “За-амуж”? Хе, хе... Еще чего выдумаете? (*смѣется*).

ШУРА. Дѣдушка милый! Ты все знаешь! Который теперь час по Пулковской обсерваторіи?

СМОЛЬКО (крякнув). Час приема у дохтура! — Я к нему иду!

СЕР. КОН. К доктору Дробницкому? Тебѣ снова худо?

СМОЛЬКО. Рѣвматизм больно шкодит в колѣнѣ! — приструнить его треба! а то хромаю — конфуз! (*Студенту*). За кого ж это онѣ

замуж пойдут, когда скоро на войну всѣх возьмут? Вы развѣ не бачили, что в газетах гуторят? Недаром к нам Пуанкарэ министр прїѣзжал! Это к войнѣ, — вѣрите слову! И опять же из лагерей сколько полков вызвали! — почитай вся гвардейская кавалерія!

СТУДЕНТ. Это не из-за войны!

СМОЛЬКО. А из-за чего же?

СТУДЕНТ. Из-за забастовок на Петербургских заводах! (*Шум аэроплана вдруг сразу стихает*).

СЕР. КОН (отцу). Ну, идем что ли! (*Уходит налево*).

СМОЛЬКО (Студенту). Что вы! Станут они из-за забастовок гвардію трѣвожить! Войной пахнет! Порохом! — о це причина! (*Уходит вслѣд за дочерью*).

НЮРА (Шурѣ). Выключил мотор! Слышишь?.. Садится!.. Ей-Богу садится!

СТУДЕНТ (ей). Кто “садится”?

НЮРА. Миша! Т. е. я хочу сказать — подпоручик Дробницкій “приземливается”.

ШУРА. И вовсе не он!

СТУДЕНТ (дѣвушкам, пытаясь сострить). Садитесь и вы в таком случаѣ! И уж больше не отвлекайтесь! (*Дѣвушки садятся за свои тетрадки. — Студент откашливается и заглядывает в одну из брошюр, лежащих на столѣ*). Итак, каковы тѣ главные вопросы, которые...

НЮРА (перебивая). Простите, Александр Емельянич, а вы вѣрите, что при социализмѣ осуществится призыв “долой смертную казнь”?

СТУДЕНТ. Ну, конечно! Почему вы спрашиваете? — Вѣдь это же чистѣйшій пережиток варварства! Развѣ вам не ясно из историческаго процесса, который я изложил вам, что...

НЮРА (перебивая). А как же во время французской Коммуны?.. Или коммунисты были варварами?

СТУДЕНТ. Время идет вперед! И то, что было в лицу XIX вѣку, — то XX-му идет как “коровѣ сѣдло”! Закон прогресса! Горе тому, кто с ним не считается! Дайте только побѣдить пролетаріату и вы не услышите больше ни о смертной казни, ни о полицейском произволѣ, ни о цензурѣ, зажимающей правдѣ рот, ни о войнѣ, наконец, которую вновь накликает сейчас продажная пресса!

НЮРА. Неужели Австрія и в самом дѣлѣ нападет на Сербію?

СТУДЕНТ. А почему бы и нѣтъ, если ей приспичило доканать Сербію? Вѣдь сошел же ей с рук захват Боснии и Герцеговины! И не такой еще афронт вынесет наше бездарное правительство! Надо знать исторію, чтобы понимать политику!

ШУРА (с внезапным возмущеніем). А я не хочу знать исторію! Не хочу! Потому что там одни ужасы, несправедливости и всякія гадости!

СТУДЕНТ (*насмѣливо*). Вот тебѣ раз!.. Да эдак всю науку надо к чорту послать, в таком случаѣ!

НЮРА (*вступаясь за сестру*). Лев Толстой и послал ее к чорту! А неглупый был старик, говорят!

СТУДЕНТ (*вспыхивает и, выдержав паузу, быстро собирает свои книжки со стола, бормоча тоном ледяной вѣжливости*). Ну, если вы хотите слѣдовать примѣру Толстого, то... я вам не слуга и мнѣ нечего здѣсь дѣлать.

НЮРА (*бросаясь к нему*). Да полно вам в самом дѣлѣ! Развѣ можно быть таким вспылчивым! (*Берет у него книжки и водворяет их на прежнее мѣсто*). Успокойтесь, пожалуйста: — мы вовсе не против науки! Но... Шура совершенно права, находя, что порою тягостно изучать исторію!

СТУДЕНТ (*стараясь успокоиться, вопрошает с горестной ироніей*). Чѣм же “тягостно”, позвольте спросить?

НЮРА. Тѣм, что приходится возиться с человѣчеством, которое, по словам Ренана, “в теченіе тысячелѣтій было сумасшедшим послѣ того, как в теченіе тысячелѣтій было... звѣрем”.

СТУДЕНТ (*тѣсколю огорошенный*). Гдѣ вы это вычитали, скажите?

НЮРА. У Ренана, в “Исторіи Еврейскаго народа”.

СТУДЕНТ (*разводя руками с усмѣшкою недоумѣнія*). И чего только эти дѣвочки не читали, — просто диву даешься!.. (*Всѣ трое смѣются*).

НЮРА. Ничего удивительнаго, раз папа у нас переплетчик и обслуживает двѣ бібліотеки!

СТУДЕНТ (*заглядывает в книжку*). Итак... на чем мы остановились?

(*За окнами, в садикъ слышно нарастающее недовольство кухарки Дарьи и жалобный птичій писк*).

ГОЛОС ДАРЬИ (*за сценой*). Отдай сейчас же, паршивый мальчишка! Я тебѣ что говорю, хулиган окаянный!

СТУДЕНТ (*бросив в раздраженіи на стол книгу*). Нѣтъ, сегодня положительно нельзя сосредоточиться! Словно сговорились всѣ, чтоб мѣшать...

ГОЛОС ДАРЬИ. Гдѣ это видано, чтоб гнѣзда разорять без спроса? Гдѣ — я тебя спрашиваю?!.. Вот скажу твоей мамкѣ, как придет с работы, так она тебѣ живо покажет, как гнѣзда разорять, дрянь паршивая! “От горшка два вершка”, а туда же — озорничать!

ШУРА (*стремглаз бросается к окнам и, открыв одно из них настежь, кричит нальво*). В чем дѣло?!.. Что случилось?! Дарья!.. Да-арья!.. Подите сюда!

КУХАРКА ДАРЬЯ (*появляется в саду, перед раскрытым окном. — Это пожилая баба, вѣрная своему деревенскому облику и простонародному говору*). Сладу с ним нѣтъ, прости Господи... Пока мать на заводѣ, — прямо одно горе с мальчишкой! Сущее наказанье!

ШУРА (тревожно). Что это у вас в руках?

ДАРЬЯ (передавая ей через окно птичку). Синичка бѣдненькая!.. Подбил ей крыло пострѣленок!.. *(Оборачиваясь назад)*. Ужо матери скажу, так она покажет тебѣ, окаянный, как на деревья лазать и камнями метать из рогатки!.. Сукин сын! Думаешь, управы на тебя не найдется?!

ШУРА (дышит на птичку в смятеніи чувств, преисполненная жалости и досады). Из гнѣзда свалилась?! Боже!.. И откуда столько безсердечія у этих мальчишек! Нашли себѣ забаву?.. *(Пододвинувшись к ней Нюръ и Воскресенскому)*. Ну посмотрите-ка на это испуганное существо!.. Как оно трепещет, ища у Бога защиты!.. И подыметя же рука обидѣть такое крошечное созданіе!

ДАРЬЯ. Добро бы ворону зашиб али галку!.. А то накосъ — самую что ни на есть безвредную птаху!

ШУРА (нѣжит птичку, полунасвистывая ей). Тью-тью-тью-тью-тью! Скажи им: — что я сдѣлала такого? За что на меня нападают и грозят укромному гнѣздышку? Кому я сдѣлала зло? Кому я мѣшаю? Кому?

ДАРЬЯ (с грубоватым добродушіем). Да ровно никому! Потому как эти синички самыя полезительныя в крестьянском быту: всѣх букашек, что пакостят на полях, истребляют на пользу хозяйству! Божья помощь через них мужику! — право слово!

ШУРА (птичку, цѣлуя ее в голову). Ты слышишь, бѣдняжка? Слышишь, как тобой не нахвалятся?

ГОЛОС СЕРАФИМЫ КОНД. (сѣва). Дарья!.. Дарья!.. куда вы запропастились?!

ДАРЬЯ (нарастѣ). Иду-у!.. *(Убѣгает назад)*.

СТУДЕНТ (Шуръ, покачивая укоризненно головой). Ну можно ли быть такой сентиментальной?!.. И это в наш трезвый практическій вѣкъ!

НЮРА (вытирая Шуръ глаза). Смотрите: — до слез себя довела!

СТУДЕНТ. А все от излишка фантазіи: — воображаете себя птичкой навѣрно? Да? Маленькой, слабенькой птичкой? Эдаким невинным порхающим существом, которому сам Бог велѣл всѣх плѣнять, умилять, восторгать?

НЮРА (ему). А вы знаете? — Вы догадались! Шура даже кроватку себѣ устроила вродѣ гнѣздышка!

СТУДЕНТ. Ну вот видите!.. А как это “вродѣ”? Т. е. я хочу спросить, в каком смыслѣ?

НЮРА (сѣясь). В самом птичьем смыслѣ! *(Цѣлуя сестру в щеку)*. Шурочка гораздо оригинальнѣе, чѣм кажется!

ШУРА (грустно, полу-обиженно). Ты говоришь “Шурочка”, а мнѣ слышится “дурочка”!

НЮРА (с чувством). Ну тогда ты и впрямь дурочка, если тебѣ слышатся несуразности! Потому что, видит Бог — я... *(махнув безнадежно рукой)*. Ну, да что там!

СТУДЕНТ (Нюръ, со смѣхом). Запутались?

ШУРА (ничужь, медленно уходя с нею пальво). Идем, моя крошка! — Нас здѣсь не понимают! Бог с ними! — Не всѣмъ вѣдь доступенъ птичій язык! Надо быть ближе к небу! Правда, тью-тью? Сейчас я верну тебя в теплое гнѣздышко и крылышко там заживет в лучшем видѣ! *(Поворачивается к присутствующим и кланяется им на порогахъ двери).* До свиданья, господа тью-тью-тью! Извините нас за безпокойство! *(Ушла).*

СТУДЕНТ (ей вслѣд, с саркастическим сожалѣніем). Ужасно сентиментальна!.. И что смѣшнѣе всего: — видит в этом свое главное достоинство!

НЮРА. А что же тут смѣшного, позвольте спросить?

СТУДЕНТ (горячо). Что смѣшного?!.. *(В отдаленіи слышна “дачная” шарманка, подчиняющая понемногу сцену между Нюрой и студентом своей грустной мелодіи. — Студент невразумительно мямлит).* Излишек сентиментальности в наше время — время ожесточенной борьбы за высшіе идеалы человѣчества...

НЮРА (снова перебивая). Да кто вам сказал, что это “излишек” сентиментальности? И кто вообще может знать в этой области мѣру? Какіе у вас странные взгляды, ей-Богу! Кто вам внушил их, скажите? Жандарм какой-нибудь? Солдафон — головорѣзъ? Городовой?

СТУДЕНТ (задѣтый за живое). Вы ужасно странно выражаетесь! У меня, простите, у самого голова на плечах — с какой стати я буду слушаться каких-то “солдафонов” или жандармов, которых я презираю?! И вообще... откуда у вас берется со мною этот презрительный тон?! Что я вам сдѣлал такое, позвольте спросить? За что вы на меня все время нападаете? Развѣ я причинил вам зло какое-нибудь, или...

НЮРА (полу-насмѣхивая, шутя, на манер Шуры). Тью-тью-тью-тью! Вы “самый пользительный в крестьянском быту”! Прикажете и с вами носиться, как с подшибленной птичкой? Да? *(Грозит ему пальцем и передразнивает его).* Стыдно быть таким сентиментальным! — *излишек* сентиментальности в наше время, — время ожесточенной борьбы...

СТУДЕНТ (ловит ея грозящій палец и задерживает его крѣпко в руку). Нѣт, серьезно, Нюра, вы... вы ко мнѣ радикально измѣнили отношенье, как только на горизонтѣ появился этот летчик Дробницкій! Что вы нашли в нем привлекательнаго, интереснаго? Какой у вас может быть общій язык с человѣком, у котораго, что ни слово, то “рад стараться”, “как прикажете”, “точно так” и “не могу знать”? Уж если попрекать кого “солдафоном”, так это вас скорѣе!

НЮРА (вырывая руку, со смѣхом). Он же нарочно так разговаривает! — чтобы скрыть свою сентиментальность! Потому что она ему не к лицу, как военному человѣку!

СТУДЕНТ (снова хватая ее за руку). Не защищайте! — вам не удастся это... *(обрывает фразу, заслышав шаги).*

СМОЛЬКО (появляется слева в вычищенной тужуркѣ, с флот-

ской фуражкой в одной руке, и с рыночной корзинкой в другой. На секунду старик приостанавливается, крякает предостерегающим образом и немедленно же, как ни в чем не бывало, продолжает свой путь направо в переднюю).

НЮРА (чуть-чуть смущенная). Куда это ты, дѣдушка... с корзинкой?

СМОЛЬКО (на ходу). За птичьим молоком... (Пауза. Дойдя до двери направо, вдруг оборачивается и, сдѣлав два шага назад, обращается к Студенту, словно извиняясь). Оны еще махонькія, господин студент!.. Так что ежели насчет ухаживанья, вы... помилосердствуйте!

СТУДЕНТ (покраснѣв). Я... и не думаю “ухаживать”!.. Я просто так, на товарищеских началах...

СМОЛЬКО (улыбаясь просительно). Онэ еще махонькія! (Уходит направо).

СТУДЕНТ (оправившись). Чудак старик! Как будто я вас съѣм! Прямо смѣшно!.. И о каком это птичьем молокѣ говорил он? Намек какой-нибудь? Да?

НЮРА (пытаясь улыбнуться). Это он в шутку!.. И потом... дѣдушка порой заговаривается: — он вѣдь очень старенькій, наш дѣдушка, и кромѣ того... (показывает на голову) немного “того”!

СТУДЕНТ. Гм... Большой чудак, во всяком случаѣ! (Шарманка понемногу стихает).

ШУРА (появляется в саду, перед окном, с лихующей улыбкой. Сзади нея проходит нальво кухарка Дарья). Водворили синичку на “мѣсто жительства”!.. Она даже крылышки расправила, как почувствовала себя “дома”. Вот так! и чирикнула! (Поднимает изогнуто руки, в видѣ крыльев, и вдруг замѣчает в своем костюмѣ изъян). Ого! я, кажется, блузку сейчас разорвала под мышкой! (с интонаціей сожалѣнія). Тью-тью-тью! (Вдруг восторженно). Зато как чудесно среди верхушек деревьев! Высоко-высоко! Так близко к Богу... (Студенту и сестрѣ). Я сейчас переодѣнусь! Подождите меня чуточку! Я мигом! (Убѣгает садом нальво).

СТУДЕНТ (тихо Нюрѣ, кивая вслѣд Шурѣ). Ну объясните на милость, зачѣм ей мои уроки и вообще наши собесѣдованія о политикѣ? Вѣдь для нея это прямо — “не в коня корм”! Только мѣшает нам!

НЮРА. Вот глупости! — Чѣм она нам мѣшает?.. И потом развѣ хватит духу сказать ей, что она... (Понижает головой, не договаривая). Уж и так была драма, когда ее в гимназію не приняли по нездоровью... Боже, как она плакала!

СТУДЕНТ (наморщив собольтзную лоб). У нея, кажется, легкое одно не работает! Мнѣ говорил Семен Иваныч, что...

НЮРА. Она вообще не жилица на этом свѣтѣ.

СТУДЕНТ. Ну вот видите: — ей может быть даже вредны наши занятія!

НЮРА. Но ей так хочется итти вровень со мною!

СТУДЕНТ. Мнѣ самому жаль ее! Но она “тормозит” нас, потому что ваша Шурочка, как это ни грустно...

НЮРА. ...“Дурочка”, вы хотите сказать? — Ошибаетесь: — она голько непохожа на других, а в общем у нея очень много “своего ума”! Я хочу сказать — самобытнаго! И вообще она видит весь мір совсѣм иначе, чѣм мы с вами! Впрочем и *мама тоже!*.. Это конечно трудно объяснить, но увѣряю вас, — мір далеко не во всем соотвѣтствует обычному его пониманію.

СТУДЕНТ. То-есть что вы хотите сказать?

НЮРА. То, что многое постигается вовсе не здравым смыслом.

СТУДЕНТ. А чѣм же?

НЮРА. Ну хотя бы наитіем, какое свойственно чутким людям!..
(*В парадной, справа, раздается звонок.*)

СТУДЕНТ (*сбитый с толку горячей отповѣдью Нюры*). Ну, знаете ли, если так разсуждать, то и впрямь — “пофилософствуй — ум вскружится”!

НЮРА (*кричит налево*). Дарья!.. Звонят в передней!

СТУДЕНТ (*Нюръ*) ...и вообще, если читать без разбору всякія книжки, а потом валить все в кучу, то получится... (*Дарья пробѣгает направо, в переднюю*) “сапоги в смятку”! Или “чепуха на постном маслѣ”!

ДАРЬЯ (*оборачивается на ходу*). Чего-с?

СТУДЕНТ (*выкрикивает с напускным сарказмом*). “Сапоги в смятку”, говорю!

ДАРЬЯ. А-а!.. Я думала вы насчет завтрака. (*Убѣгает в переднюю, откуда вскорѣ доносится шум отпираемой двери, какая-то возня и голоса “курсистки” Пончик, Дарья и переплетчика Лутохина*).

НЮРА (*смѣясь*). А и правда — время завтрака приспѣло!.. (*Из передней, сильно затыхавшись, блѣдный и в испаринѣ, появляется переплетчик Лутохин, с двумя огромными пакетами печатнаго матеріала. Это средних лѣтъ блондин, невысокій, худощавый, узкогрудый, с благообразными чертами лица, добрыми, чуть-чуть фанатичными глазами, с рѣдкой шевелюрой и клинообразной бородкой, говорящій тихим голосом, характерным для чахоточных*).

ЛУТОХИН (*обернувшись в сторону передней*). Оставьте пока там! (*Студенту*). А! Александр Емельяныч!.. (*Кладет пакеты на пол*). Ну как живем? (*Вытирает пот со лба*). Слышали новости? Война на носу!

СТУДЕНТ (*подходя к нему*). Вздор! (*здоровается*).

ЛУТОХИН. Нѣт, кромѣ шуток! Мір сошел с ума! (*Кричит налево в сторону двери, ведущей в переплетную*). Леонтій! Товарищ Леонтій! (*Нюръ*). Позови его, дѣтка! (*Нюра убѣгает в переплетную*).

СТУДЕНТ (*Лутохину*). Никакой войны не будет! Просто бряцают оружіем! (*Справа входит курсистка Пончик, — полноватая, немного вульгарная дѣвушка не первой молодости, скорѣе “пикантная”, чѣм хорошенькая. Она в простенькой шляпкѣ, скромном платьѣ, без пер-*

чаток. Вносит большой пакет печатного матерьяла и опускает его на пол. За нею кухарка Дарья пронесит два таких же пакета нальво, в переплетную, на пороги почти сталкиваясь с Нюрой и подручным Лутохина — Леонтием, который, улыбнувшись прибывшим, принимает пакеты от Дарьи и уносит их в переплетную).

ПОНЧИК. А!.. и товарищ Воскресенский здѣсь?.. Вы мнѣ нужны! (Здоровается с ним).

НЮРА. Здравствуйте, Ксенія Львовна!

ПОНЧИК. Здравствуйте, Нюрочка!.. Ну что? Как занятія с Александр Емельянычем? А? (Подсмѣивается). “Развивает”?.. “Просвѣщает”?.. “Наставляет”?.. Берегитесь его, дорогая! Это такой “ухажор”, каких свѣтъ не видал! (Всѣ смѣются).

ЛУТОХИН (Нюрь). Поди, предупреди маму: может быть Ксенія Львовна позавтракает у нас с Александром Емельянычем.

ПОНЧИК. Ни! ни! спасибо!.. — у меня еще куча дѣл!.. (К ним подходит Леонтій. — Это тип поджарого питерскаго пролетарія средних лѣтъ из “недоучек”; — у него скуластое лицо землистаго цвѣта, лысоватый череп, на носу стальныя очки, за которыми жмурятся “глядьлки” ущемленного судьбой челоуька; в слегка змъстных губах — “вѣчный окурок”. Пончик по-мужски трясет ему руку). Товарищу Леонтію — почет и уваженіе! (Нюра убѣгает нальво в дверь, на заднем планѣ).

ЛЕОНТИЙ (к Пончик). Ну что бают в Питерѣ?

ПОНЧИК. Насчет австрійскаго ультиматума?

ЛЕОНТИЙ. Вот-вот!.. Ходит слух — не сегодня-завтра — “пожалуйте бриться”!

ПОНЧИК (свистит). Фью-ю!.. Так вот и “пожалуйте бриться”?.. А социал-демократы в Германіи на что? Надо стать послѣдней сволочью, чтобы, будучи правовѣрным марксистом, голосовать за военные кредиты!

ЛЕОНТИЙ. Ну, не очень-то я вѣрю этим “камрадам” в опрусаченной Германіи! Потому что, если расчленишь вопрос, с одной стороны — они стопроцентныя патриоты, а с другой — на 50 процентов ревизионисты, для которых соглашательство с Вильгельмом — “раз плюнуть”!

ПОНЧИК. Ерунда! — я бесѣдовала об этом и с думскими товарищами; они лучше вас информированы!

ЛЕОНТИЙ (с усмѣшкой). А что же они говорят?

ПОНЧИК. Конечно, от войны никто не застрахован; — иначе не было бы надобности выпускать эту брошюру... (Хлопает по одному из пакетов, которые Леонтій готовится унести в переплетную). Но из-за этого заранѣе “вѣшать собак” на нѣмецких товарищей глупо!

ЛЕОНТИЙ (перебывая). А что это за “фальцовка”? (Сдирает покрышку с одного из пакетов и читает “титульблат”).

ЛУТОХИН (отвѣчая Леонтію). “Рабочій класс перед угрозой войны”. — Я ж вас предупредил вчера!

ЛЕОНТИЙ. “На правах рукописи”?

ПОНЧИК. Ясно, — не с благословенія Синода .

ЛЕОНТИЙ. Сколько?

ПОНЧИК. Пока десять тысяч.

ЛУТОХИН (*Леонтию*). Хватит станков?

ПОНЧИК. Сброшюровать спѣшно к 13 іюля! Сегодня у нас какое? Одинадцатое? (*Смотрит на стѣнной календарь*). Ах да, — у вас по новому стилю? С вашим календарем собьешься, почему зря!

СТУДЕНТ (*шутливо*). Семен Иванович — принципиально “передовой” переплетчик!

ЛУТОХИН (*устало хорохорится*). А что ж по вашему, если Россія даже в календарном отношеніи не идет в ногу с вѣком, так и мы должны отставать? (*Вся вяло смѣются. Слева, из двери в глубинѣ, показывается Серафима Кондр., Нюра и Шура; послѣдняя в нарядной кофточкѣ, которая придает ей, рядом с сестрою, особенно жалкій вид*).

СЕР КОН. (*мужу*). Наконец-то! Гдѣ ты пропадал? Пора завтракать! (*Пончик*). Здравствуйте, Ксенія Львовна! (*Короткое рукопожатіе*). Что новаго? Неужели война?!.. У меня оба брата убиты при Ляоянѣ... Неужели снова затѣвают? (*Шура в это время здороваются с Пончик, а Леонтий уносит пакеты “сфальцованнаго матерьяла” в переплетную*). А это что?.. (*Сер. Конд. разсматривает пристально оставшійся пакет*). Опять “незаконщина”?! (*вскидывает глаза на мужа и Пончик*). Вѣдь мы же под негласным надзором полиціи! Помилосердствуйте!

ПОНЧИК (*почти лебезит*). Это буквально на два дня!.. Не волнуйтесь, пожалуйста: все законспирировано! И вы должны бы радоваться, как пацифистка, потому что это (*показывает на пакет*) *против* войны! (*Лутохин уносит послѣдній пакет в переплетную*).

СЕР. КОНД. (*заглянув в переднюю*). А там что еще? Тоже “незаконщина”? Вы нас, видно, совсѣм не жалѣете?

ПОНЧИК. Это... прокламаціи! — Я их сейчас же увезу! Не беспокойтесь! (*Студенту*). Товарищ Воскресенскій, вы поможете мнѣ развезти? — Дѣло не терпит! (*Сер. Кондр. из предосторожности закрывает торопливо окно*).

НЮРА (*с недовольной гримаской, Воскресенскому*). А как же наши занятія, Александр Емельяныч?

ПОНЧИК (*ей, чуть-чуть колко*). Есть занятія, простите, пожалуйста ваших!.. И как ни тяжело товарищу Воскресенскому, а... раз записался в партію, надо быть готовым на жертвы! (*Ему*). Вѣрно? (*Хлопает его по плечу и кланяется всѣм*). До свиданья! (*Слева, из переплетной возвращается Лутохин. Пончик протягивает ему руку для краткаго пожатія и что-то шепчет ему на ухо. Студент забирает со стола свои брошюрки и книжку, послѣ чего присоединяется к Пончик и Лутохину, отошедшим к рампѣ*).

ДАРЬЯ (*выглянув в глубинѣ слева*). Можно накрывать? Али...

СЕР. КОНДР. (подходя к ней). Да, да, сейчас! Подождите немного! (Уходит с нею налево. — Нюра и Шура, попрощавшись с Воскресенским, отходят к столу и убирают с него свои тетрадки и письменные принадлежности. Потом Нюра открывает окна в сад и вдруг кого-то там радостно замечает; готовая уже вскрикнуть, она спохватывается и посылает в сад знак молчания и “повременить”).

ЛУТОХИН (прощаясь с Пончик, спрашивает ее секретно). А куда везете сейчас прокламации?

ПОНЧИК. К доктору Дробницкому.

ЛУТОХИН. Вы с ума сошли!

ПОНЧИК (смѣясь). Не к нему самому, разумеется, а к Потапову!

ЛУТОХИН (сообразив). Ах да! Он вѣдь фельдшером при нем состоит!

ПОНЧИК. Сейчас как раз прием у доктора!

ЛУТОХИН. Да! Там сохраннѣй всего.

ПОНЧИК. Ну, еще бы! Военный врач и сын-офицер! (Крыпкія рукопожатія. Дружески). Не бойтесь за старых партійцев: — они щадят не только себя, но таких новичков среди нас, как вы!

ЛУТОХИН. Спасибо! Добрый путь! (Что-то вспоминая). Ах да!.. (Убѣгает в переплетную с негромким кликом). Леонтій!..

СТУДЕНТ (направляясь в переднюю с Пончик). Словно помѣшались всѣ на Дробницких: одни — на отцѣ, другіе — на сынѣ! Везет же людям!

ПОНЧИК (задирально). Ревнуете Нюру?

СТУДЕНТ (не оставаясь в долгу). А вам что?

ПОНЧИК. Мнѣ?.. Гм... (с горькой усмѣшкой). Мнѣ жалко вас, вот и все! (Скрываются направо; слышно как они возятся в передней с какой-то тяжелой поклажей и потом хлопают дверь).

НЮРА (оглядѣвшись, манит кого-то из сада и негромко заявляет, свѣсившись в окно). Ушли!.. (Перед окном, в отвѣт на это, появляется летчик Дробницкій, в льтней военной формѣ. Это красивый молодой офицер, немного застычивый и на рѣдкость обаятельный). Здравствуйте, Миша! Почему вы садом, а не через парадную?

МИША ДРОБНИЦКІЙ (поцѣловав украдкой руку Нюры, ловко врывается на подоконник). Там какой-то извозчик у вас, перед подъѣздом с поклажей. Ну я и рѣшил через калитку, “обходным движеньем”.

НЮРА. Входите же!

МИША. Через окно?! Офицеру?!

НЮРА. Вы же — летчик! Вам по роду службы полагается влетать, а не входить!

МИША. Ну, в таком случаѣ... (Перебрасывает ноги через подоконник в комнату). Рад стараться! (Сам себя командуя). Раз два! (Расшаркивается перед Нюрой и вытягивается по-военному). Здравія желаю! (Снова цѣлует Нюру руку). Что называется — “гони приходу в дверь, она влетит в окно”. (Смѣется).

НЮРА (*смѣясь вмѣстѣ с ним*). А развѣ вас отсюда кто-нибудь гонит? Или гнал когда-нибудь?

МИША. Никак нѣтъ! — это я так просто, “к слову”! — поговорка такая существует!

НЮРА (*оглянувшись*). Откуда вы?

МИША. Прямо из Петербурга! Из штаба — по служебному порученію? Ну и дѣла, знаете! — только и разговоров, что о войнѣ!

НЮРА. Бѣдные сербы! — неужели Австрія и в самом дѣлѣ...

МИША (*горячо перебивая*). Да тут уж не об Австріи рѣчь, а о самой Россіи! — мы же не можем потворствовать, чтобы право сильнаго торжествовало. Вѣрно, Нюрочка? В Генеральном Штабѣ до того возмущены, что и сказать нельзя!

НЮРА. Даст Бог — ничего не случится!.. Вы знаете, Миша, — завтра ровно год, что мы с вами знакомы! Помните... когда ваш отец начал лечить мамочку...

МИША. А мнѣ кажется — это было вчера! Или вѣрнѣе — тысячу лѣтъ тому назад! Потому что мнѣ теперь трудно представить себѣ, чтобы я вас раньше не знал.

НЮРА. И мнѣ тоже! — как странно!

МИША. Я к вам прямо с вокзала! Даже отца еще не видал! А он ждет моих новостей, как в лихорадкѣ навѣрно!

НЮРА (*конфузясь*). Я вам очень признательна...

МИША. Не мог удержаться, чтобы к вам сперва не зайти! Потому что... (*Его голос пресѣкается*) не ровен час — мобилизація и тогда...

НЮРА. Бросьте! Этого не может быть! Вы нарочно меня пугаете!

МИША (*голосом, в котором готовы задрожать слезы, — тихо, по-дѣтски ласково и просто*). Нюрочка, я вас так люблю, так люблю, что если бы вы только знали... (*Сжимает в руках фуражку и, закрыв ею лицо, отворачивается, чтобы скрыть волненіе*).

НЮРА (*задушевно, с прерывистым дыханіем*). Миша!.. это же невозможно, чтобы... Вы преувеличиваете навѣрно!.. Этого не может быть, дорогой! Я не могу себѣ представить, чтобы...

ШУРА (*входя слѣва*). Миша?! Вы?! (*Здоровается с гостем*). Оставайтесь завтракать! — Сегодня у нас битки в сметанѣ и лѣсная земляника! Какой вы интересный сегодня!.. Впрочем, вы и третьяго дня были интересный, и позатретьяго дня, и наканунѣ были тоже очень интересный, и перед этим, на прогулкѣ... Вы всегда интересный! А уж когда “петли” начинаете в воздухѣ дѣлать, — ну тогда прямо глаз нельзя оторвать, до чего интересный!

НЮРА (*ласково, прекращая поток ея слов*). Мишѣ нужно домой! Он прямо из Петербурга, из Штаба...

ШУРА (*живо*). Поѣздом?

МИША. Поѣздом. А что?

ШУРА (*Нюрѣ, торжествуя*). Ага! Я была права! (*Ему*). Нюрѣ показалось, что это вы летали здѣсь давеча! А я прекрасно знаю,

как ваш мотор гудит и оказалась совершенно права! (Хлопает по-детски в ладоши).

МИША (обращается к ней с улыбкой снисхождения, как к ребенку). Как же мой мотор гудит, Шурочка? А?.. Расскажите!

ШУРА (чуть “кобеньясь”, по-детски). А он... словно голубок воркует!.. Серьезно! И я очень хорошо чую, что он воркует... даже когда вы на большой высотѣ!

МИША. Неужели у вас такой тонкій слух, что вы можете отличить мой мотор?

ШУРА (зардѣвшись). Да как же его не отличить (поднимает взор вверх), когда он так ясно, ясно выговаривает, словно дразнит меня: “Шура, Шура, Шура, Шура, Шура, Шура, Шура, Шура”... (*Нюра обмѣливается с Мишей многозначительным взглядом и оба беззвучно смеются, пока Шура, в упоеніи, повторяет “Шура, Шура, Шура, Шура” и т. д.*).

З А Н А В Ъ С

КАРТИНА 2-я

У доктора Дробницкаго.

Комната представляет собою типичный кабинет русскаго терапевта, начала XX вѣка, с обычной, для даннаго мѣста дѣйствія, мебелью и “аксессуарами”. — Комната не глубока. — За письменным столом, направо, стоит подвижное кресло. Клеенчатая “больничная” кушетка, налѣво, прикрыта бѣлой простыней; около нея — табурет. Стѣны кабинета заняты полками с книгами и с лабораторно-медицинскими препаратами.

Единственная в комнатѣ дверь раздѣляет среднюю стѣну на двѣ равныя части.

При поднятіи занавѣса, старик Смолько сидит, согнувшись, на кушеткѣ, в одном матросском “тѣльникѣ”, с высоко засученными рукавами; около него, на табуретѣ, сидит доктор Дробницкій, со вниманіем разсматривающій жилистыя руки паціента. — Доктор одѣт в сѣрую ту-журку военнаго врача (со звѣздочкой “статскаго совѣтника” на погонах); — это коренастенькій человекъ, небольшого роста, в очках, которые он то и дѣло вскидывает на лоб; его лицо, голос, манеры, все изобличает в нем русскаго интеллигента конца XIX вѣка, добраго, с напускной строгостью, слегка чудаковатаго.

Невдалекѣ от них, прибирая банки с жидкостью “для анализа”, стоит, в бѣлом халатѣ установленнаго образца, фельдшер Поталов, — верзила средних лѣтъ, про котораго хочется сказать, что “хоть не ладно скроен, зато крѣпко шит” и, вслѣдствіе этого, не боится, повидимому, спиртных напитков, как яда.

ДОКТОР ДРОБНИЦКІЙ (*осмотрѣвъ локтевые сочлененія у Смолько*). Нда-с... “анкилозы” все еще того-с... Типично-морская штукенція, батенька! На службѣ должно быть неосмотрительны были? Давно это у вас началось?

СМОЛЬКО (*опускает рукава; Потапов подходит ему помочь*). То-ись що такэ?

ДОКТОР. Да вот эти неприятности?

СМОЛЬКО. Служебныя?

ДОКТОР. Нѣтъ, ревматическія?

СМОЛЬКО. А-а!.. Так то ще с того времечки, як я в “кругосвѣтное” ходил третій раз!.. Море тогда дюже баловалось, як Америку огибали; вот и промочило маленько! А “Эльбург” — пакебот — может слышали — и совсѣм тогда промок, бѣдненькій!

ДОКТОР. То-есть как это “совсѣм”?

СМОЛЬКО. А так что потонул, звывняюсь!.. И мы бы смогли тоже!

ФЕЛЬДШЕР ПОТАПОВ (*обращаясь к Смолько и пытаясь со- стрить*). Ваше “кругосвѣтное”, значит, чуть не стало “на-тот-свѣт-ным” путешествіем, хе, хе?

ДОКТОР (*Потапову, шутиливо морщась*). Ради Бога! Не угнетайте своим остроуміем! — и так сегодня жарко и душно! (*Смотрит на часы*). Приготовьте лучше шприц, чтобы закатить дѣдушкѣ “юдишину” порцію! (*Потапов, продолжая посмѣиваться, зажигает спиртовку, на которой кипятит потом воду и в ней — во время послѣдующаго діалога — стерилизует шприц. Д-р Дробницкій подбодряюще поглаживает по плечу Смолько*). А потом, старина, я вам такое впрыски- ванье пропишу, что прямо помолодѣете! Ей-ей! Сейчас как раз такіе опыты в одной лабораторіи производятся. Вѣдь развѣ это не безобра- зіе, что люди так скоро старѣют? А?

СМОЛЬКО. Оно конечно обидно, господин дохтор! — стольким, скажем, премудростям обучился во флотѣ! Примѣнять бы и дальше науку на пользу отечеству, а между прочим смерть уже за ногу цапает!

ДОКТОР. А вот мы ее по рукам-то и хлопнем, ха, ха! Она и бро- сит свои замашки, когда “жизненным элексиром” запахнет!

ПОТАПОВ (*к Смолько, вновь пускаясь в “острословіе”*). Это уж наука тому порукой, что смерть по рукам будут хлопать! (*Самодовольно смѣется*).

ДОКТОР (*ему*). Посадите, прошу вас! — от вашей “игры слов” живот может вспучить!.. (*К Смолько*). Кстати — как у вас насчет жи- вота? Функционирует кишечник? Исправен?

СМОЛЬКО. Функцинировать-то он, конечно, функционирует, а толь- ко, звывняюсь, нэ дѣйствует каждый день!

ДОКТОР (*сдержав смѣх*). Вот это нехорошо! От большого кипеч- ника половина всѣх болестей происходит: и мигрень, и бессонница, и сыпи на тѣлѣ, словом — “чего хочешь, того просишь”!

ПОТАПОВ (*заканчивая стерилизацию шприца*). Да кто же их “хо- чет”, Борис Борисович? — помилуй Бог от таких прелестей!

ДОКТОР (встает и шутливо “наскакивает” на Потапова). Кто хочет, спрашиваете? — Да хотя бы вы! (Поворачивается к Смолько, указывая на Потапова). У человека застарелый геморрой! Другой давно б уж дал себя оперировать! Так нѣтъ же: — хочет страдать им, отравляя себя существованіем! И весь мир должен быть в отвѣтъ за это. А так как миру начхать на его болѣзнь, то он и бунтует, вымѣщая все на других!

ПОТАПОВ. Ну уж вы и скажете, Борис Борисович! — Люди могут Бог знает что подумать!

ДОКТОР (расшаркиваясь перед ним с добродушной ироніей). Ах, вы не бунтовали в девятьсот пятом? Нѣтъ?.. И мнѣ не пришлось вас вызволять тогда у жандармов? Тоже нѣтъ?.. (К Смолько). Вы не можете себя представить, что это за кровожадный революционер!.. — всѣм недоволен: правительством, жизнью, Богом!.. А все из-за чего? — из-за гемороя! Ей, ей! (Потапову). Лечиться надо! Вот и все! Не возражайте пожалуйста! Видѣл я также вашего Троцкого в девятьсот пятом, когда он неистовствовал в Совѣтѣ Рабочих Депутатов! У вас геморой, а у него катарр! И каждая мысль его — плод несваренья желудка! Каждая фраза его окрашена желчью! И такіе-то люди, как Троцкій или вроде вас, хотят властвовать над другими? — над тѣми, кто, в свою очередь, болен от наследственного бездѣлья, пьянства, сифилиса, барских извращенностей и одержим страхом перед воображаемыми опасностями?!.. Лечить надо таких людей, батенька! Лечить! и вас, и их! и никаких тогда революцій не будет! (Смотрит на часы). Что это Миша как задерживается в Петербургѣ?.. Протелефонировать что ли в штаб?

ПОТАПОВ (не без злорадства играя на нервах доктора). Может быть забастовка на желѣзной дорогѣ?

ДОКТОР. Ну вот еще! Скажете!

ПОТАПОВ. И очень просто: на заводах Лесснера сейчас безпорядки, на Пороховых бастует тротиллитовое отдѣленіе и капсюльное тоже; в типографіи Яблонскаго третій мѣсяц печатники в стачкѣ; на Обуховских накапливает...

ДОКТОР (перебивая). Те-те-те!.. откуда это у вас такія точныя свѣдѣнья: гдѣ какая забастовка, на каком заводѣ кипит, а гдѣ еще только накапливает? А?.. Ой, смотрите, Потапов! Влопаетесь опять в исторію, — на меня уж тогда не рассчитывайте!

ПОТАПОВ (ухмыляясь). Помилуйте, Борис Борисович...

ДОКТОР (снова смотрит на часы). Я-то помилую; а вот помилует ли снова департамент полиціи, — это вопрос!.. Пойду-ка все же протелефонирую! (Уходит. — Потапов к этому времени прокипятил в водѣ шприц, достал “іодипину”, банку с эфиром и, намочив в нем вату, вновь засучивает один из рукавов у Смолько и растирает ему предплечье, готовясь к впрыскиванью).

ПОТАПОВ (“занимает разговором” Смолько, дѣлая не торопясь

свое дѣло). Вот вы коснулись Америки... А как это — говоря откровенно — подходящая страна или в нѣкотором родѣ реклама?

СМОЛЬКО. Да как сказать? — Оно, конечно, вездѣ люди живут!

ПОТАПОВ (*набрав шприц лекарства, подносит к руку больного*). Ну а как насчет языка? Я слышал — замысловатый и трудно разобрать, ежели без выучки?

СМОЛЬКО (*деликатно сплюнув*). Привычка.

ПОТАПОВ (*выбрав мѣсто на руку для укола*). То-есть практика, вы хотите сказать?

СМОЛЬКО. Она самая! А ее не больно трудно и приобрѣсть!

ПОТАПОВ (*возвзя в руку шприц*). Не больно трудно, говорите?

СМОЛЬКО (*слабо вскрикивает*). Ух!.. (*Послѣ краткой паузы*). Не больно! Нѣтъ.

ПОТАПОВ. Завидую я вам, Кондратій Петрович! — в каких только странах не побывали!

СМОЛЬКО (*объясняя*). Моряк! — только через это! Поступите во флот — и с вами то же случится.

ПОТАПОВ (*посмѣявшись*). А гдѣ по вашему лучше всего?

СМОЛЬКО. На родинѣ.

ПОТАПОВ. Я слышал, в Англіи комфорту больше!

СМОЛЬКО. Зато товары дороже. (*Пауза*). А только не всякій знает, *идѣ* его настоящая родина.

ПОТАПОВ. Это в каком смыслѣ?

СМОЛЬКО. А в том, что забыли к ней дорогу; — вот и потерялась она для людей!.. А она *одна* и у всѣх та же самая! А находится, я слышал, в такой мирной странѣ, гдѣ сами ангелы вьют себѣ гнѣздышки на деревьях.

ПОТАПОВ (*почти насмѣливо*). Да что вы говорите?.. Вот бы създѣть полюбопытствовать!

СМОЛЬКО (*мечтательно*). Так сказывают...

ПОТАПОВ. Гдѣ же та страна находится, интересно? Почему о ней в географіи ни гу-гу?

СМОЛЬКО. Потому что сховалась та страна в окіянѣ за рифами... Послѣ землетрясенія, когда даже люди Бога прогнѣвали!

ПОТАПОВ. Скажите пожалуйста, какая досада!

СМОЛЬКО. А як стало вмѣсто *одной* родины *сотни*, — вот и пошли с того времени войны! Потому как всякій свою родину хвалит, а на чужую ему наплевать! (*Входит д-р Дробницкій, с сильно озабоченным видом*).

ПОТАПОВ. Ну что, Борис Борисович, узнали что-нибудь?

ДОКТОР. Ничего не мог толком добиться.

СМОЛЬКО (*прощаясь с ним*). Досвиданьице! Благодарствуйте, дохтор! (*Сует ему рубль*).

ДОКТОР. Потом заплатите, когда вылечитесь! (*Потопову*). Кто это там насорил, в передней? И чья это корзинка там, от которой пух летит во всѣ стороны? Уберите ее к чорту!

СМОЛЬКО (робко). Это моя, звывняюсь... Для внучки... Она гнѣздышко себѣ вьет... (*смотря заискивающе на Потапова*) на манер ангелочков... Так вот я матерьяльцу ей насбирал. Такая корзинка нескладная! Прямо конфуз получается. Я ее сейчас уберу! Прощевайте! (*Кланяется, торопясь уйти*).

ДОКТОР (*задерживает Смолько, озадаченный его словами*). Простите, я не разслышал, о каком это вы гнѣздышкѣ сейчас... (*Издали доносится электрический звонок*). Фу, чорт... (*Потапову, строго*). Скажите, что я заканчиваю прием!.. Запишите на завтра!

ПОТАПОВ. Слушаюсь. (*Уходит*).

СМОЛЬКО (*нѣсколько мнется со своим ответом доктору*). А это я тут рассказывал насчет разных стран... Будто такая страна есть в окіянь далеком, гдѣ ангелочки, звывнаюсь, себѣ гнѣздышки вьют.

ДОКТОР (*смотря на Смолько, как на полоумного*). Да, да... разные бывают страны... Вам вѣрно много довелось их перевидать? Не тянет эдак... снова попутешествовать?

СМОЛЬКО (*мотая отрицательно головой*). Не-е! — будет! — напутешествовался!.. Человѣкъ не может без конца путешествовать: — когда нибудь и остановиться трѣба!

ДОКТОР (*перестав думать, что перед ним сумасшедшій*). Вот, вот!.. Это только разным смутьянам любви кровавыя авантюры! Им, конечно, наплевать на моего Мишу, который остался мнѣ единственным утѣшеніем послѣ смерти жены! Ну, а мнѣ, простите, не наплевать! Вы слышите? — *не* наплевать!

СМОЛЬКО (*простодушно*). Слышу, слышу!

ПОТАПОВ (*возвращается с конвертом служебнаго образца, запечатанным “казенными печатями” и передает его доктору*). Экстренный пакет из Военнаго Госпиталѣя.

ДОКТОР (*вскрывает пакет с недовольным видом*). Что еще такое? С какой стати “экстренный”?

СМОЛЬКО (*пятясь к двери*). Досвиданьице! (*Кланяется доктору, углубившегуся в чтение “казенной бумаги”, прощается за руку с Потаповым и уходит*).

ДОКТОР. Ну вот, словно предчувствовал: — всѣ разрѣшенія отпусков временно отмѣняются!

ПОТАПОВ. Видно и впрямь к войнѣ дѣло клонится!

ДОКТОР (*бросает полученную “бумагу” на стол и, взяв себя в руки, проаживаетъ по кабинету*). Никакой войны у нас, конечно, не будет! Во-первых, мы к ней еще не готовы, а во-вторых, мир еще не сошел с ума, чтобы рисковать ни-за-што, ни-про-што всѣм своим достояніем!

ПОТАПОВ. Оно, конечно... Хотя, как знать! Сумасшедших все больше и больше становится! Взять хоть этого морехода, что сейчас прихотил!

ДОКТОР. Вы думаете, — он сумасшедшій?

ПОТАПОВ. Вам это лучше знать: вы доктор и к тому же лечили его дочку, — эту самую... Лутохину, жену переплетчика!

ДОКТОР (*задумчиво*). Миша, кажется, слегка “приударяет” за его внучкой? А?

ПОТАПОВ. Не знаю. А только вы ее *долго* лечили, эту самую Лутохину, Серафиму Кондратьевну!

ДОКТОР (*вло улыбаясь*). Вы хотите сказать: лечил, да не вылечил?

ПОТАПОВ. Ну, вѣдь, неизлечимых никакая наука не вылечит?

ДОКТОР. Ясное дѣло! А у этой Лутохиной та рѣдкая форма психостеніи, которая лишь недавно открыта Вальдштейном: — большую клонит ко сну... ее все время осаждают всякія сновидѣнія и она не может сомкнуть глаз, без того, чтобы ей что-нибудь не пригрезилось!

ПОТАПОВ. Паршивая болѣзнь! Лучше бы этот Вальдштейн и не открывал ее вовсе! (*Слышен звонок*).

ДОКТОР. Никого больше не пускать! Не успѣю! (*Смотрит на часы*). Миша сейчас должен пріѣхать! (*Раздается стук в дверь*).

ДОКТОР. Кто там?

ПОНЧИК (*влетая с обворожительной улыбкой*). Разрѣшите на одну минуточку?

ДОКТОР. Здравствуйте, дорогая! Я к сожалѣнію занят и поэтому...

ПОНЧИК (*договаривая свое и перебивая доктора*) ...на правах бывшей слушательницы акушерских курсов? (*Здоровается с доктором и Потоповым*).

ДОКТОР (*нехотя*). Чѣм могу служить?

ПОНЧИК (*почти скороговоркой*). Вторую ночь не сплю: :— сердцебіеніе, усталость... С этой глупѣйшей жарой и извѣстіями о войнѣ всѣ нервы измочалились. Принимала “Борнивалъ” — ноль эффекта, “камфару бромату” — никакого дѣйствія, “бромураль”, “антинервин”, “валиль”, “валидоль”, “дорміоль”, — ни малѣйшаго облегченія! Прямо не знаю, что дѣлать!

ДОКТОР. Замуж выйти! Вот что дѣлать, коллега! Вся ваша нервозность — от сексуальной неуравновѣшенности!

ПОНЧИК (*обмахиваясь платком и кокетливо вытирая пот со лба*). Вам все шуточки, доктор! А между тѣм я серьезно прошу выслушать мое сердце! Потому что неровен час и...

ДОКТОР. Чепуха! Я ж недавно вас осматривал! А это, знаете ль, не безопасно в моем возрастѣ и при чарах вашего тѣлосложенія! (*Заслышав повторный звонок телефона*). Никак телефон? Простите, коллега! (*Быстро уходит*).

ПОНЧИК (*торопливо говорит Потопову, полушопотом*). У подъѣзда извозчик. *Наш*, не бойтесь! Примите от него листовки “против войны”, для рабочих! Я постараюсь подольше задержать докторишку... (*Потопов подходит настороженно к двери и плотно ее закрывает*). Не бойтесь, — у телефона сейчас Воскресенскій!

ПОТАПОВ (*нервно*). Кто?

ПОНЧИК. Саша — студент. Он задержит доктора минуты на три!.. Вам нетрудно принять сейчас два тюка? Для “Рельсопрокатного” и для “Ремонтного” на Балтійском вокзалѣ?

ПОТАПОВ (*хмуро*). Раз надо, так надо!.. (*Не без вождельнїя обхватывая ея талїю*). Ох, умвица-разумница! Все-то у нея предусмотрено!.. А сама — ну прямо не Пончик, а вылитый помпончик!

ПОНЧИК (*высвобождаясь из его объятїй*). Не дурачьтесь, Потапов! И без вас жарко!.. Скажите лучше, почему вас не было вчера на собранїи? Получена “шифровка” из заграницы. Пишут: скоро пришлют нам такую инструкцію в связи со слухами о войнѣ, что мы ахнем от удивленїя! (*Прислушивается*). Никак его шаги? (*Пауза*). Сварганьте поживѣ прокламаціи! И чтобы надежным образом! — Слышите? А пока вы будете там валандаться, я займу ваше начальство своей персоной!

ПОТАПОВ. Так сказать — даешь “Самсона и Далилу”?

ПОНЧИК. Вот-вот! — сцену обольщенья в постановкѣ “Художественнаго Театра”!

ПОТАПОВ. Только не переиграйте, смотрите! А то я уж как ревнив! (*Оба сразу смолкают: в коридор раздаются приближающїеся шаги доктора*).

ДОКТОР (*входит с недовольным видом, садится за стол, что-то отмѣчает в блокнотѣ и, вскинув глаза на свою пациентку, буркает безапелляціонно*). Раздѣньтесь!

ПОНЧИК (*кокетничая*). Я так и знала! — всѣ мужчины на один лад! (*Потапов, воплощая “верх деликатности”, выскальзывает из кабинета. Пончик снимает блузку и растягивает лифчик*). Вы чѣм-то разстроены?

ДОКТОР. Устал! (*Пауза*). Опять звонили ради освобожденья от воинской повинности... (*Встает, стукнув кулаком по столу*). Люди прямо спятили!.. Войны еще нѣт и в поминѣ, а уж начинается паникерство!

ПОНЧИК. И юбку снять?

ДОКТОР. Юбку можете оставить! (*Выслушивает ее*). Дышите!.. (*Пауза*). Не дышите! (*Надавливает ей шейныя вены и изслѣдует пульс*).

ПОНЧИК (*посль паузы*). А вы боитесь войны?

ДОКТОР. Не столько войны, сколько *глупости*!

ПОНЧИК. А что вас смущает?

ДОКТОР. А то, что врачи заботятся, как бы продлить человѣческую жизнь, а другїе — как бы ее сократить!

ПОНЧИК. Чему ж вы удивляетесь: при буржуазном режимѣ вся жизнь полна противорѣчїй!

ДОКТОР (*продолжая свое*). Вот тут и разбирайся, когда в одно и то же время ты и врач и военный! Тьфу!

ПОНЧИК (*почти ластаясь к нему*). Бѣдный вы, бѣдненькїй! (*Опу-*

ская слегка рубашку на груди). А что это у меня здѣсь за пятнышко, доктор?

ДОКТОР (*нагибается к ней*). Гдѣ?.. Вот это?

ПОНЧИК (*тошно, сквозь зубы*). Да... что это такое?

ДОКТОР. Комариный укус!

ПОНЧИК. Ну, слава Богу! А я думала — прыщ!

ПОТАПОВ (*входя, немного запыхавшись*). Михаил Борисович... подходит к дому!

ДОКТОР (*радостно*). Миша?!.. Зовите его сюда! Наконец-то!

ПОНЧИК. До свиданья, доктор! (*Прощается*).

ДОКТОР. До свиданья, голубушка! Обтирайтесь на ночь водичкой и поменьше ѣшьте мучного! Чтобы людям не дать повод говорить: “С жиру бѣсится”. (*Она со смѣхом уходит в сопровождении Потапова. Доктор сбрасывает с себя китель и, вытерев наскоро пот с шеи, поворачивается к двери, в которую стучат*). Войдите!

МИША (*врывается в кабинет, в приподнято-радостном настроении и бросается доктору на шею*). Здравствуй, отче!.. Не сердись, что опоздал! Не мог! Сейчас объясню — почему!

ДОКТОР (*обнимает его со всех сил и перебивая его рѣчь поцелуями*). Молчи, разбойник! И не оправдывайся!.. Прямо разбойник! Не жалѣешь отца! А меня когда-нибудь “кондрашка” хватит! Потому что уж довольно того, что сын летчиком стал, так нѣтъ же! — надо еще чтоб война нависла в воздухѣ! (*Вдруг начинает беззвучно плакать*). А у меня и так нервы от этой жары ни на что не похожи!!! И вообще, кромѣ тебя, у меня никого... И если что случится с тобой, ...я ...я не переживу!

МИША (*с наигранной молодцеватостью*). Ну, брось, ей-Богу!.. Что за срам такой!.. Еще увидит кто ненароком!

ДОКТОР (*вытирает глаза и успокаиваясь*). А ну их всех к чорту! Какое мнѣ дѣло до других?! (*Громко высморкавшись*). Что говорят о войнѣ?

МИША. Никто в нее не вѣрит! Австрійскій блеф, говорят! Тѣм не менѣе предпринимаются мѣры...

ДОКТОР. Какія еще там “мѣры”? Это, что отпуска прекращены?

МИША. И это, и насчет мобилизаціи...

ДОКТОР. С ума они сошли со своим Распутиным!..

МИША (*улыбаясь*). Да не волнуйся ты, ради Бога, — никакой войны, я увѣрен, не будет! А у меня есть новость для тебя поважнѣе!

ДОКТОР (*прищурившись*). Служебная?

МИША. И вовсе не служебная!

ДОКТОР. Ну, что еще! Не томи!

МИША (*чуть не танцуя от счастья*). Нюрочка Лутохина согласилась стать моей женой!

ДОКТОР (*послѣ паузы недоумѣнія*). Нюрочка Лутохина?

МИША. Да! И мы просим у тебя разрѣшенья на брак!

ДОКТОР. Постой, постой!.. Это какая же Лутохина? Та, у которой здѣсь не в порядкѣ? (*Показываетъ себѣ на лоб*).

МИША (*смѣясь*). То Шурочка, а это Нюрочка!

ДОКТОР (*растерянно*). И ты хочешь на ней жениться?

МИША. Ты угадал!

ДОКТОР. А... а как же я?

МИША. Ты будешь жить с нами!

ДОКТОР. Да развѣ в твои годы женятся, братец? Это же форменное безуміе!

МИША (*смѣясь*). У тебя все “безуміе”! И война — “безуміе”, и женитьба — “безуміе”.

ДОКТОР. Э-э! Нѣтъ-с! Извините-с! Из двух зол я выбираю все же меньшее!

МИША. Значит, согласен?

ДОКТОР (*качая головой, с еле сдерживаемой улыбкой*). Очень вам нужно мое согласіе, подумаешь!

МИША. Ну, а все же, согласен?

ДОКТОР. А что же мнѣ остается, как не согласиться?

МИША (*кидаясь доктору на шею и цѣлуя его, в неопишемом восторгѣ*). Отче!.. я задушу тебя!

З А Н А В Ъ С

Д Ъ Й С Т В І Е I I

КАРТИНА 3-я

В спальнѣ Лутохиной и ея дочек.

Небольшая комната, расположенная *улом* т. е. представляющая собой треугольное пространство, ограниченное двумя стѣнами, сходящимися на заднем планѣ сцены.

Слѣва постель Серафимы Кондр., справа — Нюры, посреди них, во главѣ угла, небольшая, но сравнительно высокая тахта, окаймленная кольцом сплетенных вмѣстѣ камышей и древесных вѣток, наподобіе внѣшней ограды *птичьего гнѣзда*.

В изголовьях постелей Серафимы Кондр. и Нюры небольшія иконки стариннаго письма; в углу, над “гнѣздом” Шуры, — образок, представляющій Духа Святого в видѣ голубя; под образком, на парчевой лентѣ — большое пасхальное яйцо.

Два стула и табурет завершают “меблировку” спальни.

При поднятіи занавѣса, стена пуста. Через три-пять секунд входит, прижимая платок к глазам, Шура и бросается полу-ничком на свою тахту, имѣющую вид “гнѣзда”. За ней слѣдом входит Нюра.

НЮРА. Ну чего ты плачешь?

ШУРА. Оставь меня в покоѣ!

НЮРА. Я тебѣ надоѣла?

ШУРА. У меня болит голова.

НЮРА. Неправда! Я знаю, почему ты плачешь!

ШУРА. Ты все знаешь!.. т. е. воображаешь это! А от этого ничего и не знаешь!

НЮРА. Чего же это я не знаю, скажи?

ШУРА. А того, что я так несчастна, как никогда!

НЮРА. Вот тут-то и ошибаешься! Потому что, если хочешь знать правду, то Миша на самом дѣлѣ влюблен не в меня, а в тебя!

ШУРА (вскинув на нее глаза). Миша?! Зачѣм ты говоришь глупости?! — такими вещами не шутят!

НЮРА. А вот и не глупости! Может и вправду мотор его воркует все “Шура” да “Шура”!

ШУРА. Я это сказала... для смѣха!

НЮРА. Да, да! — “для смѣха”! Меня не надуешь!

ШУРА. Я увѣрю тебя...

НЮРА. Не увѣряй, ради Бога, а лучше присмотришься повнимательнѣй к Мишѣ! — это такой скрытный человек, Шурочка, что ты даже и представить себѣ не можешь!

ШУРА. Ну вот! — опять говоришь “Шурочка”, а думаешь про себя “дурочка”!

НЮРА. И ничего подобнаго! Потому что Миша только притворяется, что влюблен в меня! Да, да! Притворяется, чтоб меня задобрить!

ШУРА. Задобрить?! С какой стати?

НЮРА. А чтобы я... не противилась твоему счастью с ним! Да, да! Нечего глаза так таращить, будто я ни въсть какую чухь мелю! Он и к мамѣ так подлаживается, потому что боится отказа...

ШУРА. Какого “отказа”? Христос с тобой!

НЮРА. Отказа выдать тебя замуж прежде меня! т. е. младшую дочку раньше старшей!

ШУРА. Откуда ты это взяла? Что за фантазія?! Или ты рехнулась совсѣм вообще, что за вздор ты сегодня плетешь?

НЮРА. А вот и не вздор! Потому что надо знать психологию мужчины. Мы их все судим по-своему, т. е. по-женски! А на самом дѣлѣ это такія хитрыя бестіи, которыя лишь прикидываются, что сродни нам характером, а на самом дѣлѣ это совершенно другая порода людей.

ШУРА. Зачѣм же им прикидываться, я не понимаю!

НЮРА. А чтоб вѣрнѣе ввести в заблуждение! — Дѣвушка, как увидит, что мужчина страдает, — ей так жалко его становится, что всѣ просьбы его, даже и не очень приличныя, она готова исполнить! А мужчина только и ждет того, чтобы погубить дѣвушку! Оттого и существует на свѣтѣ так много погибших созданий!

ШУРА (сильно огорченная). Да неужели ж всѣ мужчины такіе отъявленные негодяи?!.. Вѣдь послѣ этого им руки нельзя подавать!.. А, между тѣм...

НЮРА. Это совсѣм не потому, что они такіе уж “негодяи”, а потому, что у них такая манера! Да! Такая “нахрапистая” сноровка! Им

непремѣнно надо “отвести глаза” от настоящих намѣреній, усыпить бдительность своей жертвы и тому подобное... Они все время держатся как на войнѣ! Ей Богу! “Покоряют сердца”, “молят о пощаду”, утверждают, что их “плѣнили”, т. е. взяли в плѣн, а в это время сами “плѣняют” женщин и губят их, чтобы потом хвастать своими побѣдами!

ШУРА. Господи! Какая низость!

НЮРА. А что ты с ними подѣлаешь!.. Это уж в крови у мужчины — натура его такова!.. Он никогда, напримѣр, не показывает вида, *кто* ему больше нравится!

ШУРА. Почему?

НЮРА. Потому что мужчина хочет заинтриговать собою и набить себѣ цѣну. А еще, конечно, из-за самолюбія.

ШУРА. А причѣм тут “самолюбіе”?

НЮРА. А при том, что если сразу дать понять, в *кого* влюблен, то предмет любви может возгордиться и начать мучить своего кавалера!

ШУРА (крайне недоверчиво). Ну-у! Кто же станет мучить того, кто нравится? Это уж не только невоспитанно выходит, а просто глупо!

НЮРА. Да что ты, не читала что ли в романах, на этот счет, и вообще в книжках о любви? Прямо смѣшно не знать таких простых вещей! Во всяком случаѣ, я тебѣ врать не стану! И теперь все дѣло от тебя зависит!

ШУРА. Что от меня зависит?

НЮРА. Все. Потому что остановка теперь только за тѣм, чтобы ты не противилась.

ШУРА. Чѣму не противилась, я не понимаю? Что ты сегодня говоришь загадками?

НЮРА. Не чѣму, а *кому!*

ШУРА. Ну — “кому”?

НЮРА. Мишѣ — вот кому!

ШУРА. Да ты с ума сошла! Как могу я противиться тому, кто на меня — ноль вниманья! И вдобавок — тому, кто... кто мнѣ с перваго же взгляда понравился на всю жизнь?! Да! На всю жизнь!.. Никогда не повѣрю, чтобы он хотѣл меня погубить! Это такой благородный человек, культурный, воспитанный!

НЮРА. А мнѣ так он вовсе не таким представляется!

ШУРА. Миша?!

НЮРА. Конечно, он сравнительно симпатичный, но — “не моего романа” герой! Для этого у него слишком много чего не хватает!

ШУРА. Да ты с ума сошла?! Развѣ Миша может не нравиться?!

НЮРА. Я вообще убѣдилась за послѣднее время, что не люблю военных. Да, — милые люди, обходительные, безстрашные, но в общем, как ни как... “примитив”!

ШУРА (почти вскрикивает, задыхаясь). Миша — “примитив”?!

НЮРА. Во всяком случаѣ недалеко уѣхал от примитива. “Слушаю-с”, “рад стараться”, “не могу знать”, “как прикажете”...

ШУРА (от всего сердца, зардѣвшись). Да вѣдь он же шутиг,

когда так говорит! Это он для смѣху говорит по-казенному! Нарочно! Чтоб развлечь нас! Видит, что мы не Бог вѣсть какія ученые, — ну и не хочет смущать своей образованностью!

НЮРА (поджав губы). Не знаю... Может быть я ошибаюсь... Во всяком случаѣ прости, если оскорбила твои чувства к нему. Я не знала, что он дорог тебѣ даже в своих недостатках!.. Ну что же, “мир да любовь”! “Честным пирком да и за свадебку”!

ШУРА (улыбаясь). Вот ты все шутишь, Нюра, а я серьезно, — смѣйся надо мною, — видѣла недавно сон, будто у нас за завтраком собрались гости, по какому-то случаю, и вдруг встает Миша, в своем новеньком френчѣ, поднимает бокал и, как на парадѣ, докладывает: “Я, мол, давно уже души не чаю в мадемуазель Лутохиной и об этом уже знает мой папа, начальство мое и родители той, кого я нареку, с их согласія, своей законной супругой. Позвольте же мнѣ по этому случаю предложить тост за мою обожаемую невѣсту, за мою безцѣнную Шурочку!..” Тут всѣ повскакали с мѣст и переспрашивают наперебой: “Нюрочку, вы хотите сказать?” “Нѣт, Шурочку”, — отвѣчает Миша и просит тут же благословить нас. (*Пауза*). Ну, что ты скажешь?.. Вѣдь это же прямо немыслимо, чтобы такой дикій сон оказался дѣйствительностью! Этого в жизни не может быть! — я это очень хорошо знаю!

НЮРА (усмѣхнувшись). Почему ты так думаешь?

ШУРА. Потому что такого “сна в руку” никогда не бывает!

НЮРА. И еще как бывает! — Помнишь, мамѣ приснилось, что у сосѣдей пожар?.. — просыпается, а у Петровых и в самом дѣлѣ сажа в трубѣ загорѣлась и уж пожарные орудуют во-всю!

ШУРА (задумчиво). Ну, мама — особь-статья!.. мама — святой человек и вродѣ как ясновидящая!.. А я... кто я такая, чтобы Бог раскрывал мнѣ, в снах, свои предначертанья?! — Я, может быть, самый никудышный человек на свѣтѣ! Всѣм-то я в тягость, ничего толком не знаю, силенок все меньше и меньше... Иногда так заволакивает все перед глазами, что мнится: уж не держу ли я путь на тот свѣт?.. В ушах звенит тогда словно в церкви, вдали что-то вспыхивает манящее и не то птички поют, не то ангелочки чирикают, подражая птичкам, на потѣху Всевышнему... (*Смотрит перед собою широко раскрытыми глазами, в которых застыли слезы. После паузы*). Умереть бы скорѣй!

НЮРА (растерявшись). Ну зачѣм ты так говоришь?.. И как тебѣ не стыдно, в самом дѣлѣ? Кому это ты “в тягость”, скажи на милость? Развѣ мы всѣ не любим тебя больше жизни, как нашу общую радость и утѣшение?.. Видит Бог, что я всѣм своим достояніем готова пожертвовать для тебя, Шурочка: — здоровьем, знаньем, силами, всѣм, чѣм только могу!

ШУРА (тихо). И... любимым человеком?

НЮРА (посль едва уловимой паузы). И им.

ШУРА (подумав). Завидую я тебѣ, Нюрочка.

НЮРА. Почему, дорогая?

ШУРА. Потому что у тебя столько хорошаго, чѣм ты можешь подѣ-

литься со мною! А у меня *ничего*, кромѣ болѣзни, тоски и отчаянія!

НЮРА (*в мучительном порывѣ*). Шурочка! Видит Бог: — если бы не боялась Его прогнѣвить, я бы с удовольствіем умерла, чтобы только дать тебѣ крошечку счастья! (*Цѣлует ее, изнемогая от жалости*).

ШУРА (*вытерев глаза*). А ты все-таки любишь Мишу?

НЮРА (*улыбаясь*). Мишу?

ШУРА. Да! Хоть немножечко?

НЮРА. Гм... я много думала, Шурочка, о любви и знаешь, к какому я пришла заключенью?

ШУРА. Ну?

НЮРА. Важно не столько, *кого* мы любим, сколько... *кого* мы *больше* других любим. Ты понимаешь?.. Напримѣр, я очень люблю нашу Дарью — она такая славная, — но мамочку и тебя я люблю куда больше! Даже сравнить нельзя!

ШУРА. Я это очень хорошо понимаю. Оттого-то мнѣ и грустно, когда думаю, что Мишу я люблю... *не меньше* тебя!

НЮРА (*бодрящим тоном*). Это ничего, Шурочка! Это совершенно естественно, когда бываешь... влюбленной! И тут ничего худого нѣтъ! Увѣряю тебя, что это совершенно в порядкѣ вещей!

ШУРА (*со слезами в голосъ*). Нѣтъ, не в порядкѣ вещей! Потому что *кто* для меня Миша и *кто* ты для меня? *Что* он для меня сдѣлал такого, чтобы я ставила его рядом с тобой?! — ничего! И выходит как бы неблагодарность к тебѣ за то, что ты возишься со мной, несмотря на блажь мою и капризы! (*Плачет*). А я не хочу быть неблагодарной! Не хочу, не хочу! Я скорѣе умру, чѣм стану неблагодарной!

НЮРА. Ну, вот! — опять слезы!.. Никто тебя и не думает подозревать в неблагодарности! Ты себя все время нарочно разстраиваешь! — выдумываешь что-нибудь обидное для себя, а потом из-за этого плачешь!.. У тебя навѣрно опять лихорадка? — Прими-ка лучше свои капельки, а то эдак, милая, всѣ глазки выплещешь! (*Слѣва входит Смолько, с корзиной, наполненной жомом, птичьим пухом, зелеными камышами и перьями. Он вытягивается во фронт и балагура рякает*).

СМОЛЬКО. Так что имѣю честь доложить вашим превосходительствам, что старшій боцман сверхурочной службы на брандвахтенном суднѣ “Осторожный” Кондратій Смолько вернулся из отпуска в ваше распоряженіе! (*Принимает “вольную” позу и добродушно ухмыляется*). Бывайте здоровеньки! Як Бог милует?! И вообще?! “Солнце нызенько, вичор близенько, лѣчу до тебѣ, мое сѣрденько!” Птичьяго молока не достал, а для гнѣздышка всякой всячины насбирал и честь имѣю представить на ваше благоусмотрѣніе! (*Ставит корзину перед Шурой и замѣчает у нея заплаканные глаза*). Що такэ, Шурочка? Що такэ, моя махонькая? Отчего глазки заплаканы? Обидѣл тебя кто? Нездоровится дуже? Али сон дурной кто наслал, щоб ему было неладно!

НЮРА. Никто ее не обижал и никто ей сна дурного не насылал.

а она сегодня с утра такая! — нервничает, от лекарства отказывается, плачет все время и вконец меня разстроила своими жалобами!.. А всѣм ея огорченіям — грош цѣна, потому что она их из пальца высосала!

ШУРА (глотаю слезы). Нѣтъ, не из пальца!

НЮРА. Нѣтъ, из пальца!

ШУРА. А вот и не из пальца!

НЮРА. А я тебѣ говорю, что из пальца!

СМОЛЬКО (присаживается на краю “гнезда” Шуры, оправляет его, как постель, и умягчает содержимым своей корзинки). Эх, не добре, не добре! — сестрички в мирѣ должны жить, чтобы радовать Божиньку, а не то конфуз большой получается и не так як бы трѣба!.. *(Нащупывает в гнездѣ куколку ангела, какія продаются на вербных базарах и какими украшаются рождественскія елки).* А это що такэ? Ангеленочек бидный!.. Ишь куда сховался, родимый! Ну, побачьте на милость, до чего Шура примяла его! — Ажно крылышки поникли у летчика!.. Ай-ай-ай! Не добре, Шура, дитятко! — с ангелятами трѣба аккуратно пацкаться! бо народ деликатный и ты, миленькая, не смотри, что то куколка, а мысли: — то образ Божій!

НЮРА (берет у дѣда куколку ангела, выправляет ему крылышки и прихорашивает головку). Она послѣднее время все ворочается по ночам и вообще спит безпокойно. Вот и примяла ненароком!

ШУРА (вытирая глаза и сморкаясь). И совсѣм не потому! А потому что нельзя из постели гнѣздо устраивать: выходит ни то, ни се: снизу тюфяк жмет, все плоско, нѣту ямки глубокой, куда бы зарыть-ся, и вообще нѣтъ вольности, как на деревьях у птиц!

НЮРА (тревожно). Что ж ты на дерево вздумала перебираться?.. Слышишь, дѣдушка, что она затѣвает? Этого еще не доставало!

ШУРА (мечтательно). Там видно будет... Во всяком случаѣ — там ближе к Богу, к солнцу, к небу, гдѣ может кружить голубок, воркуя мнѣ: “Шурочка, Шурочка, Шурочка”...

СМОЛЬКО (с дѣловитой серьезностью). Ну, а ежели дождик?

ШУРА (пожав плечами). Пойдет и перестанет!

СМОЛЬКО (помолчав). Гм... оно пожалуй и так... *(Нюра смотрит на них “во весь глаза”).* А то можно... навѣс с камыша смастерить.

ШУРА. Еще того лучше!

СМОЛЬКО. Вродѣ крыши!

НЮРА (Шурь). И тебѣ не будет жалко... разстаться со мной?

ШУРА (поджав губы). Почему “разстаться”? Мы же будем видѣться иногда!

НЮРА (с горькой укоризной). “Иногда”?

ШУРА (сдержанно). Я не хочу быть никому в тягость!

НЮРА. Кому же ты в тягость, скажи? Мнѣ?

ШУРА. Раз тебя безпокоит, что я ворочаюсь по ночам...

НЮРА (раздосадованная). С тобой прямо нельзя разговаривать: — так поворачиваешь слова, что даже обидно становится.

ШУРА. Глупо обижаться, когда говорят правду!

НЮРА. Какую “правду”?

ШУРА. А вот такую. (*Молчанье*).

СМОЛЬКО. Ай-ай-ай, як не добре выходит! Сами любят друг дружку, а гуторят промежду собою як в ссорѣ!.. Прямо конфуз получается, а не так, як бы трѣба!

ШУРА (*посль коротенькой паузы, прижимается неожиданно к дѣдушкѣ, обхватив его шею руками*). Дѣдушка, миленькій! Ты все знаешь! Скажи мнѣ, отчего я такая несчастная!

СМОЛЬКО. Ты?!.. Да Бог с тобою, сарденько! Чѣм же ты “несчастливая”?

ШУРА. Всѣм, дѣдушка, всѣм! Я такая несчастная, что и подумать о себѣ не в силах без слез! (*Плачет*).

СМОЛЬКО. Ну так значит оттого ты и несчастная, что не знаешь, какая ты счастливая!

ШУРА. Я?!.. Счастливая?! Чѣм же? Ты смѣешься, дѣдушка!

СМОЛЬКО. А тѣм, что в солдаты тебя не возьмут, на войну тебя не погонят, убивать других не прикажут, под пулями спать не заставят!

ШУРА. Только от этого?

СМОЛЬКО. А этого тебѣ мало?

ШУРА. Нѣт, но... какое же это утѣшенье?

СМОЛЬКО. Как какое? Солдатам кости дробить будут пули, печенку разрывать им на части, глаза из под бровей вырывать, руки-ноги калѣчить и в обрубки людей превращать! — а ты в это время будешь нѣжиться в своем гнѣздышкѣ, ручки-ножки у тебя будут цѣлы, глазки тоже, и будешь ты далеко от горя-злосчатья порхать себѣ Божьей птахой! (*Шура начинает плакать еще жалостнѣй прежняго*). Чего ж ты опять плачешь, моя махонькая? Развѣ ж, глядя на войну, не счастливая ты, по сравненію с прочими?

ШУРА (*глота слезы*). Как же я могу быть счастливой, когда у других будут вырывать глазки снарядами? Печенку разрывать на части? И ни вѣсть какіе ужасы над ними творить?.. Да я умру тогда от жалости, а не то, что буду счастлива!

НЮРА (*опускается в припадкѣ ищности на колѣни перед Шурой и целует ей руки*). Шурочка!.. Сам Бог говорит твоими устами!

СМОЛЬКО (*почесав себѣ за воротом и расправив усы, крикает и говорит в смущеніи*). Гм... да! Пожалуй что оно и так! гм... не добре у меня это вышло: — конфуз получается! (*Разводит руками*). Прямо бѣда, як стало трудно разговаривать с молодежью!

КАРТИНА 4-ая.

Перед дачей Лутохиных.

Почти у самой ramпы, — окаймленная кое-гдѣ сучьями деревьев, — высится деревянная стѣна дачи, с двумя окнами; — одно закрыто и занавѣшено, другое открыто настежь. У послѣдняго сидит, согнувшись, Серафима Кондр. Лутохина и читает Библию, многія страницы которой заложены полосками картона. На колѣнях Лутохиной черныя чулки и штопальныя принадлежности.

Вечерѣет. За окнами, в столовой, почти совсѣм темно; но снаружи, в саду, еще довольно свѣтло. Временами слышится негромкое чириканье и попискиванье птичек.

Поднятіе занавѣса совпадает с шумом отходящаго с вокзала поѣзда и протяжным свистом локомотива.

Через нѣсколько секунд по поднятіи занавѣса, в комнатѣ появляется Нюра с рукодѣліем (вышивкой закладки для книги в видѣ ленты) и присаживается у окна, рядом с матерью.

НЮРА (с довольнымъ видом). Уснула!..

СЕР. КОНД. (облегченно). Слава Богу!.. *(Закрывает Библию).*
Наконец-то!

НЮРА. Ох, боюсь, не жилица она на этом свѣтѣ!

СЕР. КОНД. На какомъ?

НЮРА. Да вот на этом...

СЕР. КОНД. А может он только снится, “этот” свѣт! А?.. Я уж сбилась по правдѣ говоря! *(Послѣ паузы).* Вѣдь еще неизвѣстно, гдѣ сон, гдѣ явь!.. Ибо то, что нам снится порою, — *правдивый самой правды* бывает!.. И вообще это дѣло спорное, а пожалуй и не нашего ума дѣло!

НЮРА. Как так “не нашего”, мамочка?

СЕР. КОНД. А так что всѣ мы *умничаем* понапрасну, — умнѣй Бога хотим стать, а в итогѣ — ничего кромѣ грѣха не получается!

НЮРА. Да что ты, мамочка, откуда ж это видно?

СЕР. КОНД. А оттуда, что ежели Бог не открыл нам всего, так нечего возвеличиваться и плоды срывать дерзновенно с “древа познанія добра и зла”!.. Вон порох открыли! А сколько чрез него несчастій! Ты об этом подумала?

НЮРА. Что правда, то правда! *(Углубившись в работу).* Прямо жутко подумать, чѣм грозит война в наше время! — Шутка сказать: дрались с нѣмцами, которые сорок лѣт готовились к бойнѣ!

СЕР. КОНД. (убѣжденно). Напрасно готовились: не видать им побѣды!

НЮРА. Ты думаешь, мы с Франціей их проучим?

СЕР. КОНД. Не потому! а... вряд ли воевать придется. По край-

ней мѣръ я войны не вижу. И вѣрю, Бог смиляется не только над нами!

НЮРА. Ой-ли?!

СЕР. КОНД. Смиляется!.. А если покарает, то развѣ что *тяжким сном*, от котораго не всякому будет дано проснуться!

НЮРА (*вскинув испуганно глаза на мать, скрывает свой страх в безпечной интонаціи*). “Страшен сон, да милостив Бог”.

СЕР. КОНД. “Сон правду скажет, да не всякому”.

НЮРА. А кому же?

СЕР. КОНД. (*берет с подоконника Библию и открывает ее на одной из заложённых страниц*). А тѣм, “кто затыкает уши свои, чтобы не слышать о кровопролитіи, и закрывает глаза свои, чтобы не видѣть зла; — тот и будет обитать на высотах”.

НЮРА. Это чье пророчество?

СЕР. КОНД. Исаи. (*Она вздыхает и устремляет взор в какое-то загадочное пространство, мечтательно улыбаясь*).

НЮРА (*озабоченно*). Что ты, мамочка, разсматриваешь там?.. Что тебѣ привидѣлось?

СЕР. КОНД. Пустяки... Небывальщина сущая... Мало ли что челоуѣку померещиться может!..

НЮРА. Ну а все-таки?.. Или это секрет?

СЕР. КОНД. Какой там секрет!.. Я из своих снов секрета не дѣлаю!

НЮРА. Ах, так значит — это тебѣ приснилось? Когда?

СЕР. КОНД. И вчера, и сегодня... часто мнѣ *это* снится за последнее время...

НЮРА. Что “это”?

СЕР. КОНД. А вот что будто там (*показывает перед собой*) за вокзалом, — видишь, гдѣ училище, — вмѣсто дач и домишек, словно замки настроены!.. Красивые — прекрасные, высоченные, с балконами, с башенками стройными... И живут будто в них не вельможи какіе, а наш же брат, трудящійся, мастеровой люд!..И вездѣ-то царит благодать... мир, любовь, благоволеніе... Всѣ задѣлались братьями я живут не то в Федерациі какой международной, не то в Соединенных Штатах Вселенной... (*Тихо смѣется и снова принимается за штопку чулок. Слышен шум проходящего поезда*).

НЮРА. Никак это “десятичасовой” прошел? А?

СЕР. КОНД. Ждешь кого?

НЮРА. Миша хотѣл зайти из Военнаго Собранія: — интересно, какія новости!

СЕР. КОНД. Не вѣрь “новостям”: изолгался народ, прости Господи!.. А главное — умничают, мудрствуют, забывая, что есть мудрость в глазах Божіих (*открывает Библию на заложённом мѣстѣ и читает*). “Если кто средь вас мнит себя *мудрым*, согласно вѣку сему, пусть он станет *безумным*, дабы оказаться *мудрым*. Ибо *мудрость міра сего есть безуміе пред Богом*”. Так писал апостол Павел Коринфянам.

НЮРА (*посль паузы*). Как скоро нынче темнѣть стало! Время так летит, что никакому летчику за ним не угнаться! Август уже на носу!

СЕР. КОНД. Насчет летчика... ты со своим не очень прохладжайся сегодня: — помни, завтра день рожденія Семена Иваныча! Надо пораньше встать и...

НЮРА (*перебивает со смѣхом*). А это что? (*показывает вышитую книжную закладку*). Как же мнѣ не помнить о днѣ рожденія папы, когда я ему книжную закладку вышила! И у Шуры такой же подарок!

СЕР. КОНД. А то к завтраку гости пожалуют и... одной Дарьѣ не справиться! (*Справа раздаются шаги по песчаной дорожкѣ*).

НЮРА (*прислушиваясь*). Никак шаги Миши?.. (*Высовывается в окно и смотрит направо*). Так и есть! (*Машет рукою и кивает головой, повернувшись направо*).

СЕР. КОНД. (*встает*). Ну, не буду стѣснятъ в таком случаѣ!.. Не засиживайся только, — слышишь? (*Цѣлует Нюру в щеку, крестит ее и поспѣшно удаляется*).

НЮРА (*ств на подоконникѣ, зовет приглушенным голосом, выснувшись наружу*). Идите же! Чего вы замѣшкались? Всѣ спят, — не бойтесь! (*Справа входит Миша, козыряет Нюрѣ, бросается к ея окну и схватывает ее за обѣ руки*). Ну?.. Какія новости? Здравствуйте!

МИША (*цѣлует руки Нюры*). Здравія желаю!.. Изволили читать послѣднія телеграммы?

НЮРА. Я не очень-то в них разбираюсь. Да! Не забудьте: завтра день рожденія папы и вы приглашены на завтрак вмѣстѣ с отцом!

МИША. Обязательно придем! Если только война не грянет!

НЮРА (*убѣжденно*). Никакой войны не будет! Скажу вам по секрету, что... Вы мнѣ даете только слово?

МИША. Ну, разумѣется!

НЮРА (*оглядѣвшись кругом и понизив голос*). Папа сказал, что всѣ рабочіе военных заводов забастуют, как один человек! И что вообще надо ждать полной солидарности наших рабочих с нѣмецким пролетаріатом!.. Вы не можете себѣ представить, как сильна сейчас власть социал-демократов и особенно большевиков! А вѣдь папа, вы знаете, перешел недавно к большевикам!

МИША (*сдержанно, по-военному*). Мнѣ этого знать не полагается!

НЮРА. Я и говорю вам это под строжайшим секретом! (*Схватив его за руку*). Да если и начнут воевать, — мы все равно вас не пустим на фронт!

МИША. Т. е. как это не пустите?

НЮРА. А вот так! — не пустим и кончен бал!

МИША (*смѣясь*). Никак нѣтъ, осмѣлюсь доложить: это невозможно! Я бы и сам хотѣл, а только это не в ваших силах! (*Цѣлует ея руки*). — Слышно, как вдали проходит поѣзд).

НЮРА (*посль паузы*). А вон и мѣсяц показался... Мы теперь прямо, как Ромео и Джульетта! Вы читали Шекспира?

“Нѣтъ повѣсти печальнѣе на свѣтѣ,
Чѣм повѣсть о Ромео и Джульеттѣ!”

МИША. А чѣм же наша “повѣсть” печальна?

НЮРА. А угрозу войны вы забыли? (*Он хочет что-то ответить, но она прикладывает палец к его губам*). Тсс... Слышите?.. (*Гдѣ-то недалеко раздается полу-сонное щебетанье птичек*). Тью-тью-тью!.. Это та самая синичка, которую спасла Шурочка... Слышите?.. Слышите?.. (*Миша озирается кругом с блаженной улыбкой*). Это она благословляет Бога и свою заступницу!.. Слышите?

МИША (*почти задыхаясь от нахлынувших на него чувств*). Боже мой, как прекрасна вселенная!.. Какая неопиcуемая красота разлита во всем мірѣ!.. Я, конечно, совсѣм не поэт! Мнѣ не хватает для этого слов! Но когда я вижу такую неимовѣрную красоту, — мнѣ хочется от всего сердца умереть за вас, Нюрочка!.. Я не шучу! — я, ей Богу, хочу принести вам огромную жертву! Потому что у вас замѣчательная душа!

НЮРА (*слабо улыбаясь, гладит Мишу по голову*). А Шурочкѣ?

МИША. Что Шурочкѣ?

НЮРА. Вы ей тоже могли бы принести жертву?

МИША (*слегка отпылив*). Вашей сестрѣ?.. Я... я, конечно, готов... Но... у меня к ней совершенно другое отношеніе...

НЮРА. В каком смыслѣ “другое”?.. Вам ее не жалко?

МИША. Разумѣется, я ей сочувствую: — она такая несчастенькая... но... что из этого?

НЮРА. Как что?.. И вы можете так отзываться о больном чело-вѣкѣ?!..

МИША. Т. е... как, я вас не понимаю!

НЮРА. ...Так безсердечно?

МИША. Почему “безсердечно”?

НЮРА. Потому что... Шурочка в вас влюблена!

МИША. “Влюблена”?! (*Усмѣхнувшись*). Вот тебѣ раз!

НЮРА. Да!.. И она не переживет, если... если вы не откликнетесь на ея чувство, т. е. если вы разрушите ея грезу!

МИША. Я вас не вполне понимаю... Вы же знаете, что я равнодушен к Шурочкѣ! (*Реагируя на жест досады у Нюры*). Т. е. я, конечно, ее жалѣю — у нея больная душа, — но... это ничего общаго не имѣет с любовью! Я люблю только вас, одну вас, единственно вас и никого больше!

НЮРА (*нѣжно и вкрадчиво*). Я, повѣрьте, это очень цѣню и однако... я не могу допустить, чтобы мое счастье с вами отозвалось болью в сердце кого бы то ни было... а тѣм болѣе — в сердцѣ моей бѣдной,

смѣшной сестренки! Ей — не справиться с болью!.. Нѣтъ, нѣтъ! — Я ее знаю! Она не выдержит удара, который вы — ея кумир — нанесете ей при моем “благоклонном участіи”!

МИША (*жметя*). Я боюсь, что вы... вы преувеличиваете, Нюрочка!

НЮРА (*горячо*). Она с дѣтства во мнѣ находила самую вѣрную защиту ото всѣх бѣд и превратностей жизни, ото всѣх ударов по ея болѣзненному самолюбію! И вдруг я сама окажусь “камнем преткновенія” на пути ея к счастью!

МИША. Да, но... ни вы, ни я — мы нисколько не виноваты, что я люблю вас, а не ее! Не могу же я себя передѣлать и полюбить на заказ! Развѣ сердцу прикажешь?!

НЮРА. Вас никто и не обвиняет, но... как же мнѣ не считаться с тѣм, что Шурочка, как вы знаете, безнадежно больна и гаснет, можно сказать, с каждым днем! — Вы сами понимаете, что с одним легким долго не протянешь! И дни ея безусловно теперь сочтены... Оттого-то мы и не надышимся на нее, исполняем каждое ея желаніе и малѣйшія прихоти... Развѣ хватит сил огорчить умирающаго человѣка?! Да еще такого безконечно добраго, славнаго, такого исключительно довѣрчиваго к людям и... (*Голос ея внезапно пресѣкается и она суетливо достает платок, чтобы вытереть слезы*).

МИША (*очень расстроганный*). Ради Бога, Нюрочка... умоляю вас, дорогая, не разстраивайтесь, пожалуйста! Потому что, во-первых, медицина теперь дѣлает чудеса... Отец говорил мнѣ, что в его практикѣ были случаи, когда...

НЮРА (*перебивает, вытирая глаза*). Нѣтъ, нѣтъ!.. Не утѣшайте! Шурочка — обреченная! Да, да, — обреченная! И грѣшно сокращать ея дни, разрушая ея дѣтскія грезы о счастья!.. Не только грѣшно, а прямо преступно!

МИША (*в крайнем смущеніи*). Но кто же хочет сокращать ея дни?!.. Откуда вы это взяли?

НЮРА. Да вы же первый! — правда, без злого умысла, но... от этого не легче!

МИША. Я?! Да что вы, Нюрочка?! Одумайтесь, родная... Развѣ можно возводить напраслину на ни в чем неповиннаго человѣка?!

НЮРА (*с горечью*). Ах, Миша, Миша! Неужели вы такой не чуткій, что для вас не ясно, о чем я собственно говорю, чего я хочу избѣжать?

МИША (*задѣтый за живое, слегка вспыхивает*). Не сердитесь, Нюрочка, но я в первый раз слышу обвиненіе меня в “нечуткости”!

НЮРА. Ну вот! — вы же еще вздумали обижаться!

МИША. Нѣтъ, но... Мнѣ как-то больно слышать, что я в чем-то “манкирую” относительно вас, для которой — видит Бог — я готов пожертвовать всею своей жизнью, всѣм своим счастьем, рѣшительно всѣм!

НЮРА (посль короткой паузы). Но если это... правда... если это не “фраза”...

МИША (прерывая ее с горячностью самоабвенья). Клянусь вам честным словом офицера! Неужели вы можете сомнѣваться, что я...

НЮРА (перебивая). Нѣт, нѣт! Но... *(наигранно “лукавит” с печальной улыбкой)* вы думаете, я не способна принять от вас жертву? Ошибаетесь! — Я неспособна *потребовать* тяжелую жертву, но *принять* ее... дѣло другое! Конечно, если она от чистаго сердца!

МИША. Ну, ясное дѣло!.. Пожалуйста! — приказывайте! — Я вас слушаю!

НЮРА. Отлично. Только помните, — вы сами меня вызвали на это!

МИША. Я вас слушаю.

НЮРА (не давая ему опомниться). Женитесь на Шурочкѣ!

МИША (растерянно). Что?!

НЮРА. Я говорю: женитесь на Шурочкѣ! Она слабенькая... она скоро умрет... Скрасьте послѣдніе денечки этого несчастнаго существа! Дайте сбыться ея завѣтной мечтѣ!

МИША (не вѣря своим ушам). Жениться на Шурочкѣ?!

НЮРА (горячо). Ея дни сочтены! А что слаще на свѣтѣ, чѣм исполнить послѣднюю волю обреченнаго человѣка? *(Пауза).* Ну, что же вы молчите?!

МИША (словно во снѣ). Но вѣдь это же... Это же диковинно, *что* вы требуете от меня!

НЮРА. Я не требую, а прошу!.. Я сама приношу огромную жертву, уступая вас Шурочкѣ! Неужели вам это не понятно?! Но я знаю, — за это судьба вознаградит нас сторицей! А без этого — не видать нам счастья, основаннаго на несчастьѣ другого!

МИША (приходя в себя). Вы стало быть не любите меня? Нѣт? Не любите вовсе, раз готовы уступить меня кому бы то ни было?! Вы, очевидно, не вѣрите в наше счастье вдвоем?! Оно вам не дорого?! Нѣт?! Отвѣчайте!

НЮРА (подносит палец к губам, оборачиваясь назад). Тсс... наши уж спят! Успокойтесь, прошу вас, и поймите: я не могу заглушить в себѣ голоса жалости, когда думаю о бѣдной Шурочкѣ, которая...

МИША (перебивая). А жалость ко мнѣ? Гдѣ жалость ко мнѣ? Ея нѣт в вашем сердцѣ?! Гдѣ она?!

НЮРА. Миша, повѣрьте мнѣ...

МИША (почти вняв себя от горя). Не могу я вам больше вѣрить теперь! Не могу я вѣрить той, кто жертвует моим счастьем ради какого-то сумасброднаго желанія! Да! — сумасброднаго! Недаром отец предостерегал меня от тяжелой наслѣдственности, которая наблюдается в вашей семьѣ! Я не вѣрил ему, думал: вздор...

НЮРА (испуганно). Какая “наслѣдственность”? О чем вы говорите?

МИША (почти злобно, от отчаянія). Я не доктор, как он, чтоб объяснять вам подробно! И вообще мнѣ не к чему препираться по вопросам, которые внѣ моей компетенціи! Скажу только, что никогда не повѣрю, будто это ваша любовь заставляет меня жениться на нелюбимой особѣ. Я вижу в этом не любовь, а жестокое издѣвательство! Да! издѣвательство, на какое способны одни лишь сумасшедшіе и психопатки! Для нормального человѣка, — а я, простите, еще не “спятил”, — это просто бред, что вы мнѣ предлагаете! И я не хочу подвергать глумленію свое чувство любви к вам! Оно слишком мнѣ дорого! Оно священо для меня! И это не “фраза”! Я скорѣе умру, чѣм дам надругаться над тѣм, что для меня священо! (Его душат слезы, которыя он удерживает из послѣдних сил). И вообще... нам не о чем разговаривать, раз вы так относитесь к человѣку, который души в вас не чаял и готов был... Ну, да что говорить!.. Прощайте! (Быстро уходит направо. Нюра смотрит ему вслѣд широко раскрытыми глазами и, услышав как замирают шаги, тяжело опускает голову на руки. Секунда, — и ея плечи сотрясают беззвучныя рыданья).

Издали доносится протяжный свист паровоза и грохот проѣзжающаго поѣзда. Нюра через силу встает с подоконника, закрывает наглухо окно и, пошатываясь, скрывается в темнотѣ комнаты. Справа, спѣшной походкой, — почти бѣгом, — возвращается Миша. Он бросается к одному окну, к другому, всматривается в их стекла, барабанит в них пальцами, бормочет “Нюра, Нюрочка”, но грохот отходящаго со станціи поѣзда заглушает его слабый зов. Он секунды три-четыре стоит в нерѣшительности, потом печально вздыхает и, понуря голову, уходит.

З А Н А В Ъ С

КАРТИНА 5-ая

В столовой Лутохиных, незадолго до завтрака (декорація 1-ой картины). На стѣнном календарѣ 1914 значится, красными цифрами, 27-ое іюля, а под этим числом, черными цифрами, 14-ое іюля.

При поднятій занавѣса слышен громкій дружный хохот; — им раздражается компанія, — появляющаяся слѣва, из переплетной мастерской, — состоящая из фельдшера Потапова, курсистки Пончик, студента Воскресенскаго, Семена Иваныча Лутохина и его сподручнаго Леонтія.

Дарья, только что накрывшая чистой скатертью обѣденный стол (раздвинутый до предѣльной длины), расправляет на ней складки и уходит через дверь направо, что на заднем планѣ.

Хохот веселой компаніи был явно вызван Потаповым, который, по

сравненію с другими, кажется присанившимся, на правах “души общества”.

ПОНЧИК (*подавляя смѣх, отмахивается от Потапова*). Ну и ляпнет тоже, чорт возьми! Вот уж у кого язык без костей!.. У вас, товарищ Потапов, однѣ только похабности на умѣ!

ПОТАПОВ (*чувствуя себя поощренным*). Да помилуйте, Ксенія Львовна, чѣм же я виноват, что Распутин так выражается?! — Я повторяю лишь слова “святого старца”! А их он произносит не только на конюшнѣ царя, а и в салонѣ императрицы, которая, говорят, просто умиляется, слыша, как тот объясняет ей интимныя вещи “собственными словами”. (*Нѣкоторые из компании к этому времени присаживаются, отодвинув стулья далеко от стола, другіе стоят, прислонившись к стѣнѣ, или прохаживаются по авансценѣ*).

СТУДЕНТ (*протирая пенсне и глаза, заслезиившіеся от смѣха*). Чорт знает, в какую мы живем эпоху! — за Человѣка стыдно становится!

ПОТАПОВ (*осклабясь плотсядно*). Говорят, фрейлины императрицы не только ему руки лобызают, но и ноги моют!

ЛЕОНТІЙ (*тоном знатока*). Ну, это ради придворной карьеры!.. (*Студент сплевывает от избытка презрѣнія; Пончик, заглядѣвъ Дарью со стопкой тарелок в руках, предостерегающе кашляет*).

ЛУТОХИН (*выждавъ пока Дарья уходит, обращается к Пончику*). Да! Чтоб не забыть: — когда ж освободят меня от этой брошюры, что вы завезли давеча?

ПОНЧИК. “Рабочій класс перед угрозой войны”?

ЛУТОХИН. Вот именно! — мы с Леонтіем цѣлую ночь ее спивали! А теперь о ней словно забыли!

ПОНЧИК (*как бы “огрызается”*). Я исполняю лишь распоряженія Центра. Вот когда я буду членом Центрального Комитета, — тогда и спрашивайте с меня!

СЕР. КОНД. (*гостям, проходя в переплетную*). Кажется, со всѣми здоровалась?

ПОНЧИК (*протягивая ей руку*). Здравствуйте, Серафима Кондратьевна!.. Все по хозяйству? В хлопотах?.. (*Рукопожатіе*).

СЕР. КОНД. (*криво улыбаясь*). Так уж на вѣку написано, дорогая, чтобы одни своим дѣлом занимались, а другіе — чужими!

ПОТАПОВ (*смѣясь*). Раздѣленіе труда в нѣкотором родѣ?

ПОНЧИК (*слегка заносчиво*). А вам это не нравится?

СЕР. КОНД. Что вы! Что вы! Я не жалуюсь! (*Дарья*). Помогите-ка мнѣ столик притащить сюда! (*Уходит в переплетную, Дарья за нею*).

ПОНЧИК (*Лухохину и другим*). Вот мы кричим “долой войну”!.. А между тѣм, вспомните войну Наполеона III, приведшую к Парижской коммунѣ! Вспомните о нашей Севастопольской кампаніи, приведшей к освобожденію крестьян! Вспомните, наконец, русско-японскую войну,

послѣ которой у царя была вырвана Конституція! Это чего-нибудь да стоит!

СЕР. КОНД. (внося с Дарьей столик из переплетной и устанавливая его пальво, под книжными полками). Конечно! — стоит многих тысяч человѣческих жизней, не говоря уже о полном разореніи казны! (Накрывает большой салфеткой “закусочный столик” и, в продолженіе дальнѣйшаго діалога, ставит на него водку, Рябиновку, Англійскую Горькую и недорогія закуски, которыя достает из буфета. Дарья ей помогает, а потом, вдруг спохватившись, убѣгает на кухню).

ПОНЧИК (слегка вызываяще). “Чтоб состряпать яичницу, надо сперва разбить яйца”, — гласит поговорка!.. Вам, как хозяйкѣ, это должно быть извѣстно лучше меня!

СЕР. КОНД. Конечно! Только увѣряю вас, что курицам такая поговорка никогда не пришла бы в голову!

ПОНЧИК. Вполнѣ возможно! Но... чего и ждать от куриных мозгов. (Сдержанный смѣх среди слушателей).

ЛУТОХИН. Бросьте, друзья, пикировку! — “политика булавочных уколов” — удѣл буржуев. Нам она не к лицу. (Дарья возвращается со стаканами, рюжками, горчицей, перцем, уксусом и пр. “спеціальями”, которыя она торопливо разставляет на большом столѣ).

СЕР. КОНД. (Дарья). А гдѣ же Нюра? — обѣщала помочь нам, а сама мѣшкает!

ДАРЬЯ. Нюрочка волосы перечесывает Шурочкѣ: — Шурочкѣ прическа, вишь, чѣм-то не понравилась! С ленточкой хотят! (Слѣва, из глубины, слышится маршеобразный топот ног и залихватское сиповатое пѣніе дѣда Смолько: “И шумэ, и гудэ, дробин дождик идэ! А кто ж мэнэ молоденьку тай ж до дому доведэ?”). Да вот и они сами! (Входит принаряженный дѣд Смолько, посадив Шуру себѣ на плечо; около них пританцовывает Нюра, поддерживая Шуру за руку; обѣ дѣвушки в бѣлых платьицах, с розовой отдѣлкой. У Шуры на головѣ розовая лента).

СЕР. КОНД. (весело ахая, при входѣ этой тройцы). Этого еще не хватало! Что за выдумки такія?! — чтобы хворая на хвором скакала! Да ты рехнулся, батька! Шура, сейчас же слѣзай с дѣдушки! (Шура, при общем смѣхѣ и поощрительных апплодисментах, спускается на пол и здоровается, вслѣд за Нюрой, с гостями).

СМОЛЬКО (Серафимъ Кон., под утихающей гонимостью гостей). Так она ж, як перышко! Прямо птаха небесная! (Хорохорясь шуточно и повышая голос). И ты не бачь, сѣрденько, что мнѣ под восемьдесят: — я ще, коли трѣба, утак австріяку шею намну, что запросит пардону! (Засучивает рукава как борец-забияка и поплевывает на ладони, чтобы размягчить общество).

СЕР. КОНД. (отмахиваясь от него шуточно). Ладно уж! “Аника-воин”!

ЛУТОХИН. “Запорожец за Дунаем”!

СЕР. КОНД. (кланяясь развеселившимся гостям). Может быть закусите, чѣм Бог послал, дорогіе гости? А?

ПОТАПОВ (крякая). Можно-с! Мы не гордые!

СЕР. КОНД. Милости просим по рюмочкѣ! — заморить червячка!

ЛУТОХИН (робко). А не подождать ли, пока доктор Дробницкій пожалует с сыном? — Как бы не вышло обиды...

СЕР. КОНД. Семеро одного не ждут!

ЛЕОНТИЙ. Вѣрно! Люблю русскія поговорки!

СМОЛЬКО (весело). И украинскія не плохи! Усе равно, чи водка, чи горилка, — одна другой краше и требуют час блюсти! (*Смотрит на часы*).

ЛЕОНТИЙ. Святая истина! А потому разрѣшите налить вам, чтобы не опоздать. (*Потчует, смѣясь, "дѣда" водкой. Лухохин наливает Потапову и студенту, говоря: "примѣр заразителен". Отдѣльные голоса тонут в общем говорѣ. — Серафима Конд. достает из буфета графинчик "Когору", угощает курсистку и — в половинном размѣрѣ — Нюру и Шуру. Студент подходит чокнуться к Нюре и говорит ей какіе-то комплименты к явному неудовольствію Пончик. Дѣд Смолько, сразу же захмѣлѣвъ, показывает Потапову и Леонтію татуировку на своей груди и хвастается брелоками, висящими у него на часовой цѣпочкѣ. Леонтіи набрасывается на шпроты и пст и пьет за двоих. Сер. Конд. и Лухохин потпшуют, как умѣют, Шуру, цѣлуют ее и подкармливают, преувеличенно восторгаясь розовой лентой на ея кудряшках. Дарья приносит и уносит закусочныя тарелки, мѣняет вилки и ножи, суетится и поминутно извиляется, проталкиваясь между гостями. Нѣкоторое время царит общій говор, смѣх, звон посуды и шарканье ног*).

СТУДЕНТ (перекрикивая других). Хочу чокнуться с виновником торжества! (*Подходит к Лухохину и чокается с ним и со всѣм его семейством*).

ЛЕОНТИЙ (хмельным голосом). Да здравствует Семен Иваныч и долой войну! (*Чокается со всѣми*).

ПОТАПОВ. Пррравильно! (*Лухохину*). Поздравляю с днем рожденія!

СТУДЕНТ (постучав ножом по тарелкѣ). Извѣстны ли вам, дорогіе товарищи, данныя современной статистики? Сколько тратится на вооруженіе всѣми государствами вмѣстѣ? Я говорю о мирном времени!

ПОТАПОВ (икнув). Ну, сколько же?

СТУДЕНТ. Пол-милліарда рублей в день!..

ПОТАПОВ. Здорово!

СТУДЕНТ (в азартѣ). Вы только подумайте, что на эти деньги можно сдѣлать и какія перспективы открываются перед человѣчеством, если оно будет ежедневно — слышите? — ежедневно — экономить около пол-милліарда рублей на свои нужды! — на нужды совидажья, а не разрушенія!

ШУРА (хлопая в ладоши). Всѣ богачами станут!

ПОТАПОВ. И очень просто! — некуда денег будет дѣвать!

ШУРА (бросаясь на шею Лутохину). И палочка мой будет богатый!

ПОТАПОВ. Непремѣнно! Я сам буду богатый, чорт побери! И тогда за меня сама Ксенія Львовна пойдет замуж! Вѣрно? *(Чокается с Пончик, под общий смѣх).*

ШУРА (бросаясь на шею дѣда). И дѣдушка будет богатый!

СМОЛЬКО (ворчит, ухмыляясь). Куда мнѣ богатство? Я уж помирать собираюсь!

ПОТАПОВ (ему). Аттандэ-с! — на пол-миллиарда в день такія санаторіи понастроят и такіе “элексиры жизни” нафабрикуют, что больные до двухсот лѣтъ будут жить припѣваючи! *(Общій смѣх).*

СЕР. КОНД. (посмѣиваясь). Нашей Гатчины тогда и не узнать навѣрно: — такое насоорудят, что только держись!

ПОТАПОВ. Да уж будьте благонадежны! Пол-миллиарда экономіи, это вам “не кот наплакал”! *(Показывая на окна).* Такой у вас тут “Нью-Йорк” перед окнами обнаружится, что лучшаго “бель-вю” в цѣлом мірѣ не сыщете... Станете здѣсь чаек себѣ распивать на террасѣ, а вокруг небоскребчики будут выглядывать, средь сирени, и райскія птички щебетать на вѣточках! *(Всѣ смѣются).*

ШУРА (матери). Мама! Правду он говорит?

СЕР. КОН. Ну, конечно, правду, раз ему так кажется! *(Цѣлует Шуру).* Я-то может и не доживу до этого, а вот Нюра воочію убьдится!.. *(Спыхватываясь).* И Шурочка тоже! И Шурочка доживет до этого! *(Осыпает Шуру поцѣлуями и плачет. Всѣ замирают на своих мѣстах, среди неловкаго молчанія).*

ЛУТОХИН (Потопову, как бы извиняясь за жену). У нея двух братьев на войнѣ убили!.. Когда с японцами воевали!

СМОЛЬКО (крестясь). Царство Небесное Ванѣ и Серезѣ!

СЕР. КОНД. (вытирает глаза и сконфуженно улыбается). Ах ты, Господи, нервы за послѣдніе дни до того истрепались, что сил нѣтъ! *(Издали доносится полковая музыка проѣзжающей вскорѣ мимо дома конницы и цоканье лошадиных подков).*

НИЮРА (вскрикивает). Кирасиры! Кирасиры!.. *(Бѣжит к окнам, отворяет одно из них, высовывается, смотрит нальво и быстро туда убѣгает. Вслѣд за нею, почти немедленно, убѣгает Шура, по вторяя как ребенок: “Кирасиры! Кирасиры!”).*

СМОЛЬКО (Лутохину). Трѣба побачить, чи они уж в походной амуниці, але еще в ординарной! *(Уходит вмѣстѣ с Лутохиным и Леонтіем).*

СЕР. КОНД. (поспѣшая за ними). Господи! Сейчас завтрак! Опомнитесь: что вы солдат не видали? Слушайте!.. *(Уходит. За нею собираются уйти и Потопов со Студентом, но Пончик их удерживает и, взяв одного за руку, а другого под руку, отводит к рамѣ).*

ПОНЧИК. Ну, братцы, такую я узнала вчера новость в Центръ, что вы прямо ахнете!

ПОТАПОВ и СТУДЕНТ (вмѣстѣ). От кого?

ПОНЧИК. Тсс.. (понижив голос). От Малиновскаго.

ПОТАПОВ. Который в думской фракціи? Что ж он говорит?

СТУДЕНТ. Будьте осторожнѣй! — слухи ходят, что он провокатор!

ПОНЧИК. Кто? Малиновскій? — Чепуха!.. (Тоном заговорщицы). Говорит, — полная перемѣна тактики в отношенъи войны! (Леонтій возвращается и закусывает. Сквозь звуки полковой музыки, вскорѣ замирающей, как и цоканье подков проезжающей конницы, доносится повторный электрической звонок). По послѣдним свѣдѣніям, за военные кредиты будут голосовать и такіе “господа”, как Шейдеман, в Германіи, Эрвэ и Самба, во Франціи, и уж конечно Вандервельдэ, в Бельгіи!

ЛЕОНТИЙ (вставляя). Я вам говорил! — Развѣ можно социал-демократам вѣрить на-слово?

ПОНЧИК. О нашем милѣйшем Плехановѣ и говорить не приходится: он заодно с Эрвэ и Самба!

ПОТАПОВ. Чорт знает, что такое!

ПОНЧИК. Чертыхаться поздно! — война неминуча!.. А коли так, важно не дать увлечь себя в болото социал-шовинизма и помнить опыт Парижской Коммуны, когда имперіалистическая война Наполеона III была превращена в войну гражданскую!

СТУДЕНТ (отышав). Да неужели же мы будем голосовать за войну?!

ПОНЧИК. Малиновскій не видит другого выхода! Къ тому же развѣ партія не вправѣ измѣнять свою тактику в зависимости от обстоятельств?.. И развѣ не ясно теперь, что только война способна так ослабить наше правительство, что оно будет безсильно бороться с надвигающейся революціей?!.. (Вновь раздается настойчивый звонок, на который слыва выбѣгает Дарья, направляясь в переднюю).

СТУДЕНТ (покачивая головой). И обрадуется ж этим новостям Семен Иванович! — хорошенькій подарок ко дню его рожденія!.. (Справа слышится хлопанье двери и мужскіе голоса).

ПОНЧИК (приняв безпечный вид, выбирает закуску на маленьком столикѣ). Успѣете его информировать! — чего даром разстраивать челоуѣка!.. (Справа, из передней, входят доктор Дробницкій и его сын Миша, — оба принаряженные, при оружіи и с фуражками в руках).

ПОТАПОВ (кланяется вошедшим, разводя руками). Борис Борисович?! Здравствуйте-с! Вот с кѣм судьба привела здѣсь встрѣтиться!.. И Михаил Борисович?!.. Добро пожаловать! А уж мы вас ждали-ждали! (Общія рукопожатія. Дарья убѣгает налево).

ДОКТОР (здороваясь с Пончик). И вы тут?

ПОНЧИК (кокетливо). А почему бы мнѣ и не быть тут?

СТУДЕНТ (*знакомясь с доктором*). Воскресенскій. (*Мишь*). С вами мы уж встрѣчались!

ПОНЧИК. Что слышно новаго, доктор? Скоро в поход?

ДОКТОР. Откуда вы взяли? Если б государь рѣшил воевать, он бы вернул из заграницы свою августѣйшую мать!

СТУДЕНТ. Развѣ Марія Федоровна заграницей?

ПОНЧИК (*наигранно*). Так что вы думаете, еще есть надежда?

ДОКТОР. Увѣрен даже!

ПОТАПОВ (*потчюя водкой доктора и Мишу*). По рюмочкѣ!

МИША. Мерси!.. А гдѣ же хозяйева? (*Миша выпивает, доктор уклоняется, Потанов опрокидывает себѣ в рот рюмку Рябиновки*).

ЛЕОНТИЙ (*здороваясь с доктором и его сыном*). Честь имѣю кланяться!

ДОКТОР. Рад познакомиться! (*Потанову, качая отечески головой*). Ого! И это при вашем-то недугѣ?!

ЛЕОНТИЙ (*замѣтно охмелѣвший*). А при печени можно?

ДОКТОР. Что значит “при печени”? — у каждого есть печень! Вопрос лишь, в каком она состояніи! (*Выпивает. Завидѣвъ дѣда Смолько, появившагося пальво в дверях*). А-а! “дѣдушка русскаго флота”!

МИША (*пожимает руку Смолько*). Здравствуйте, Кондратій Петрович! Как внучки поживают?

СМОЛЬКО (*шутливо*). А що им дѣлается? — вчера в куклы играли, а сегодня романсами интересуются! — “спрятался мѣсяц за тучку” и тому подобное!

ЛЕОНТИЙ (*подходя к Мишь с полной рюмкой*). Если на войну призовут, — разрѣшите поступить к вам механиком! Потому как во-первых интересуюсь аэропланами, а во-вторых, служил раньше во флотѣ механиком.

МИША (*улыбаясь*). Буду рад содѣйствовать! (*Слѣва, из глубины влетают Шура и Нюра*).

НЮРА (*радостно смущенная, плохо владѣет собой*). Миша?! Вы здѣсь? А я думала... Господи! Мы там по хозяйству возимся. Что вы так поздно?

ШУРА (*Нюръ, весело*). А ты говорила, что Миша не придет! Откуда ты это взяла? (*Доктор и Миша здороваются с барышнями и поздравляют с семейным праздником*).

ЛУТОХИН (*входя, из глубины, слѣва*). Просим за стол! — сей-час подают! (*Увидѣвъ доктора и Мишу*). Здравствуйте, господа! Добро пожаловать! А уж мы отчаялись, что придете! (*Пожимая им руки*). Очень, очень рад! (*Угощая*). Разрѣшите по рюмочкѣ перед кулебякой?

ДОКТОР. Благодарю, но... во-первых, не пью, во-вторых, уже выпил (*общій смѣх*), а в-третьих, мы с Мишей принесли два флакона “шипучки”, чтоб раскупорить в вашу честь... (*сыну*). Гдѣ же, друг мой, наше приношеніе? Тащи сюда скорѣй! (*Миша уходит в переднюю*).

ЛУТОХИН (сконфуженно). Зачѣм вы безпокоились?.. Мнѣ, право, совѣстно!

ЛЕОНТИЙ (вмѣшиваясь). Разрѣшите расчленить вопрос таким образом, чтобы сперва заняться “английской горькой”, а уж потом...

ДОКТОР (договаривая) ...вашей печени? (Смѣх. Во время предшествующей реплики Леонтія, входят, почти одновременно, — слѣва Серафима Кондратьевна, сопровождаемая Дарьей, подающей на стол дымящуюся кулебяку, а справа Миша, с двумя бутылками шампанскаго. — Доктор, а за ним Миша, расшаркиваются перед хозяйкой дома; Миша цѣлует ей руку, она его — в лоб).

ДОКТОР. Простите, что так задержались... никак не мог закончить раньше приѣма!

СЕР. КОНД. (ласково). “Лучше поздно, чѣм никогда”! Милости просим за стол! (Ко всѣм). Господа! Не заставляйте себя просить, ради Бога! И “без чинов” пожалуйста: — кому гдѣ нравится, там и садитесь! (Всѣ усаживаются, среди общаго гомона, за стол в слѣдующем порядкѣ: ближе к окнам и лицом к публикѣ — посрединѣ дѣд Смолько, по правую руку — Серафима Конд., по лѣвую руку — Лутохин; около Серафимы Конд., справа, Шура, около Лутохина, слѣва, Нюра; спиной к публикѣ и лицом к окнам, усаживаются, считая слѣва направо: Пончик, Потапов, Леонтій и Студент; во главѣ стола, налѣво усаживают Доктора; во главѣ стола, направо, Мишу, который тут же, не теряя времени, откупоривает с шумом шампанское и, пока Серафима Кондратьевна, при помощи Дарьи, раскладывает всѣм на тарелки кулебяку, обходит стол и, — под веселые возгласы слегка уже подвыпившей компании, — наполняет бокалы пѣнящейся влагой).

ПОНЧИК. Ну, ежели шампанское, так уж требуется тост! Правильное замѣчанье?

ПОТАПОВ. Правильное! А потому поднимаю бокал за здоровье Семена Иваныча и желаю ему благоденствія на многія лѣта! (Всѣ поднимаются и чокаются с Лутохиным, говоря: “Многія лѣта!”, “ваше здоровье!”, “давай Бог!”, “разрѣшите облобызать” и т. п.).

СТУДЕНТ (стучит ножом по тарелкѣ). Рѣчь!.. Рѣчь!.. Просим Семена Иваныча сказать нѣсколько слов о переживаемом моментѣ!

ЛУТОХИН (встает). Я, господа, не оратор! Я... переплетчик и... если вам так хочется, то могу сказать нѣсколько слов только в качествѣ переплетчика. Правда, я когда-то хотѣл быть оратором, хотѣл быть адвокатом и защищать разных жертв полицейскаго произвола, но... сам, как вы знаете, попал в число таких жертв и вмѣстѣ с ними... в Сибирь. А там пришлось изучать уже не искусство оратора, ибо говорить было не перед кѣм, а какое-нибудь ремесло, чтобы прокормиться. Я избрал переплетное и... не жалуясь, так как оно дало мнѣ случай прочитать уйму книг, а среди них такія, какія дают полную надежду, что война станет скоро совершенно невыслышимой.

ПОНЧИК (скептически). Как так “невыслышимой”?

ШУРА (слегка взволнованная). А какія ж это книги, папочка?

ЛУТОХИН. Во-первых, книжка Оствальда, гдѣ требуется, чтоб из учебников физики изъяли слово “матерія” и замѣнили его словом “энергія”, так как матерія это та же энергія, но только в конденсированном состояніи.

ПОТАПОВ (с набитым ртом). Но что ж из этого слѣдует?

ЛУТОХИН. А то, что если ее вывести из этого состоянія, то одной крупицы ея будет достаточно, чтоб на сотнях фабрик и заводов она замѣнила собою паровые двигатели.

ДОКТОР. Я понимаю: — вы имѣете в виду новое ученіе об атомах и возможность их расщепленія?

ЛУТОХИН. Совершенно вѣрно. Потому что еще в 1911 году Рутерфорд...

ПОТАПОВ (перебивая). Ну а какое же это имѣет отношеніе к войнѣ?

ЛЕОНТИЙ (иронически разъясняя). Военных заводов можно будет больше настроить.

ЛУТОХИН. Не в том дѣло! А в том, что освобождая энергію из атомов, можно будет обрѣсти такую взрывчатую силу, которая станет угрозой самому существованію нашей планеты!

ПОТАПОВ (с усмѣшкой). Ну уж и “планеты”! Какія ж тому доказательства?

ЛУТОХИН. Все дѣло лишь в том, чтоб научиться освобождать энергію из атомов. А вы знаете, что сказал знаменитый Ренан, предвидя прогресс науки?

ПОТАПОВ (чокаясь с Пончик). Будьте здоровы! (*Пьет*). Что ж он сказал, ваш Ренан?

ЛУТОХИН. А то, что если будет доказано, что ученым ничего не стоит взорвать нашу грѣшную землю, гдѣ мы истребляем друг друга как дикіе звѣри, то, под этой угрозой, они заберут власть над вселенной и прекратят в ней войны и междоусобицы!

ПОНЧИК (иронически). Вашими бы устами да мед пить!

ДОКТОР (чокаясь с Лухотиным). Превосходная рѣчь! Благородная и как нельзя болѣе кстати!

ШУРА (восторженно). Папочка, неужели это возможно?! Такое счастье?! (*Хлопает в ладоши и блаженно смѣется*).

ПОТАПОВ (направляясь к Лухотину). И он еще говорит, что не оратор! Да вѣдь вы кокет послѣ этого, Семен Иванович! Прямо кокет, напрашивающійся на комплименты! Дайте я вас поцѣлую по этому случаю! (*Троекратно лобызает Лухотина, под общій говор, смѣх, одобренія и отдѣльные аплодисменты*).

МИША (встает и стучит по тарелкѣ, приглашая всех к тиши-нь). Разрѣшите и мнѣ, господа, сказать нѣсколько слов! Но только совершенно личнаго характера! И, должен предупредить: — не экспромт, а... нѣчто заранѣе взвѣшенное и обдуманное!

ГОЛОСА. Просим! Просим! Мы вас слушаем!

МИША (*подняв бокал*). Господа! Я хочу выпить за здоровье моей дорогой невесты!.. (*Всѣ в один миг настораживаются*). За здоровье моей ненаглядной Шурочки!

ДОКТОР и семейство ЛУТОХИНЫХ (*почти хором*). Нюрочки, вы хотите сказать?

МИША. Нѣтъ, именно Шурочки!.. Шурочки, которую я сразу же полюбил, как только с нею познакомился, но... скрывал, так как боялся отказа: она такая гордая и такая фантазерка... ее не сразу поймешь, и потому я боялся...

ШУРА (*встает совершенно пунцовая*). Подождите!.. (*Пауза*). Этого же не может быть!.. не может быть!

СЕР. КОНД. Чего “не может быть”?

ШУРА (*прерывисто дыша*). Не может быть, чтобы все сбылось, как во снѣ... совсѣм как во снѣ!

СЕР. КОНД. (*прижимая к сердцу Шуру*). Но ты-то его любишь? А? Хочешь замуж за Мишу?

ШУРА (*растерянно, слегка дрожа, робко мямлит упавшим голосом*). Я... я боюсь, что это сон!.. (*Пауза. Громко, с широко раскрытыми глазами*). Это не сон?.. (*Обводит взором всѣх присутствующих и, вдруг, опустившись на стул, заливается слезами. Гости, послѣ паузы крайняго недоумѣнія, начинают выходить из сковавшего их оупенѣнія; нѣкоторые умиленно смѣются, не отрывая глаз от Шуры*).

ЛУТОХИН (*подойдя к ней сзади и глядя ея волосы*). Ах ты, моя глупенькая! Ну чего ты, дѣтка, расплакалась?

МИША. Это вовсе не сон, Шурочка! Смѣю вас увѣрить! Потому что я с самыми честными намѣреніями и, повторяю, заранѣе взвѣсил все и обдумал... Я вообще не привык шутить в таких важных вопросах и никогда бы себѣ этого не позволил! Для меня сватовство и женитьба вовсе не “сон”, простите, а самая настоящая дѣйствительность!

СМОЛЬКО (*торопясь на выручку Миши, крякает молодцевато и хлопает рукой по столу*). Ну да чего там много разговаривать! “Горько!” — и кончен бал! Цѣлуйтесь поскорѣе, чтоб подсластить винцо! а то, право слово, — “горько” и дюже трѣба, чтобы сладко было!

ВСѢ (*кричат почти истерически громко, давая исход своим чувствам, подогрѣтым вином и замороженным было неожиданностью*). Горько! Горько! Горько! (*Миша и Шура цѣлуются; всѣ тянутся к ним с поднятыми бокалами*).

З А Н А В Ъ С

КАРТИНА 6-я

В спальнѣ Лутохиной и ея дочек (декорація 3-й картины II-го дѣйствія).

Поздно вечером.

Из угла справа, у самой рамы, исходит мягкій “лампадный”, мерцающій по временам, свѣтъ; — он придает всей спальнѣ нѣсколько необычный вид, чему как нельзя болѣе способствует почти “свитое” уже “гнѣздо” на тахтѣ, стоящей в центральном углу комнаты, под пасхальным яйцом.

Серафима Кондратьевна, встав на табурет, поправляет лампадку. Потом, сойдя на пол и встав на колѣни, молится Богу, обратив лицо к освѣщенному углу комнаты.

(Слѣва, за сценой, слышны торопливые шаги и окрик Лутохина: “Сима! Да гдѣ же ты?..” Он входит в спальню неуверенной походкой. У него усталый, измученный вид. На плечах лѣтнее пальто “в накидку”. В руках — соломенная шляпа. Он вытирает пот со лба и прерывисто дышит).

ЛУТОХИН. А я тебя на кухнѣ ищу!

СЕР. КОНД. Ты прямо с вокзала?.. Ну что говорят в Петербургѣ?

ЛУТОХИН (*садится, в изнеможеніи, на постель*). Всеобщая мобилизація!..

СЕР. КОНД. Что это значит?

ЛУТОХИН. Война.

СЕР. КОНД. (*полу-машинально*). Что за вздор! Кто тебѣ сказал?

ЛУТОХИН. Какой там “вздор”! — было засѣданье Совѣта Министров.. Предсѣдательствовал Горемыкин... обсуждали бюджет. Как вдруг влетает генерал Янушкевич и прямо бѣжит к предсѣдательскому мѣсту. — Горемыкин кричит ему: “Генерал! Здѣсь идет засѣданье Совѣта Министров!..”. Но Янушкевич — ноль вниманья и как заорет истошным голосом: “Царь повелѣлъ объявить всеобщую мобилизацію!”.

СЕР. КОНД. (*крестится*). Сумасшедшіе!

ЛУТОХИН. Гдѣ наши дѣвочки?

СЕР. КОНД. (*нервничая*). Сейчас вернутся. Только ты пожалуйста их не разстраивай! — Ушли проводить Мишу. Он такой несчаст-

ный; все их успокаивает... Ну и что же дальше? Дальше что рассказывают?

ЛУТОХИН. Ну, министры, сказывают, повскакали тут, загудѣли разом, кто-то затянул “Боже царя храни”, другіе “Коль славен”, словом начались такіа вѣрноподданническіа изліянія, каких свѣтъ не видал.

СЕР. КОНД. Ну а наши? Наши что? Партійные товарищи?

ЛУТОХИН. А Бог их знает! Не добиться толку! В думской фракціи колеблются, потому что Малиновскій убѣждает голосовать за военные кредиты...

СЕР. КОНД. (внѣ себя). Чтоб социалисты потакали войнѣ?!.. Гдѣ ж это слыхано?!

ЛУТОХИН (с усмѣшкой). Эдак будто легче взбунтовать народ против правительства. Коли, значит, война, — значит будут лишенія, а коли лишенія, — больше шансов для революціи. Так и на Штутгартской, и на Базельской конференціи 1912-го года рѣшено.

СЕР. КОНД. Как же так? — народ увѣрен, что это царская власть обрекает его на смертоубійство! А выходит, что свои же товарищи!

ЛУТОХИН (понижнув головой). Видно, *всѣ* против нас: и вражескіа государства, и собственное правительство, и торговцы пушками, и духовенство, даже свои же товарищи — и тѣ против мира и за войну! Мы одни теперь одишешеньки, в полном безсиліи перед угрозой войны!

СЕР. КОНД. А Бог?.. Забыл слова Его: “Мнѣ отмщеніе и Аз воздам”?

ЛУТОХИН (с горькой усмѣшкой). Завидую я тебѣ... *(Слышно хлопанье двери).*

СЕР. КОНД. (перебивая). Чш... Кажется, дѣвочки вернулись.

ЛУТОХИН. Ну, спокойной ночи! *(Цѣлует жену и уходит. — Серафима Кондратьевна оправляет постели. Издали доносится протяжный свист паровоза и шум проходящего поезда. Входят Нюра и Шура).*

СЕР. КОНД. Наконец-то!.. Спать пора, а вы полуночничаете!

НЮРА. Да коли спать не хочется!

ШУРА. Уснешь тут, когда такое настроеніе!..

СЕР. КОНД. Какое такое “настроеніе”? Ложитесь поскорѣе, а то опять не выспитесь, как вчера!.. *(Уходит. — Нюра и Шура начинают нехотя раздвигаться и укладываются потом спать).*

ШУРА (посль паузы). У Миши такой вид, словно его приговорили к смерти!.. Скажи откровенно, тебѣ его жаль?

НЮРА. Ну конечно жаль.

ШУРА. А почему ты все время шугила?

НЮРА (улыбаясь). Чтоб разрядить атмосферу.

ШУРА (надув губки). Вышло очень неестественно. И он мог обидѣться.

НЮРА (улыбаясь). Ну прости меня в таком случаѣ!

ШУРА. За что? — я не сержусь.

НЮРА ...За неумѣстныя шутки. (*Ложится. Снова доносится заунывный свист паровоза и грохот проходящаго поѣзда*).

ШУРА (*укладывалась спать, в своемъ кѣздѣ*). Все поѣзда, поѣзда!.. Никогда ихъ столько не было!.. Прямо не счастье!

НЮРА. Это все “воинскіе” навѣрно!

ШУРА. С мобилизованными? (*Нюра не отвѣчает*). Неужели — война?!.. Дарья говорила, будто к булочнику братъ пріѣхал из Питера и тамъ уже никто не сомнѣвается, что всеобщая мобилизація будетъ объявлена.

НЮРА. “Утро вечера мудренѣ”!.. Спи, Шурочка! Утромъ все узнаем!

ШУРА. Отъ кого?

НЮРА. Изъ газет, конечно!

ШУРА (*посль паузы*). Что жъ это будетъ такое? Вѣдь Мишу тогда сейчасъ же на фронтъ?! Онъ летчик!

НЮРА. У тебя стало привычкой — выдумывать всякіе ужасы! Неужели тебѣ такъ нравится поминутно пугать себя? А?

ШУРА. Я себя вовсе не пугаю... Я только соображаю. (*Среди шума маневрирующаго паровоза, смутно выдѣляется гулъ пропеллера*). Аэроплан!.. Слышишь?

НЮРА. Это грузовик...

ШУРА (*таинственно*). Нѣтъ, это он, он!.. Снова кружитъ надо мною, парит, мечется, словно вспугнутый голубокъ надъ пожарищем!.. Ты слышишь этотъ гулъ?.. Я отличу его изъ сотен.

НЮРА (*успокоительно*). Ну чего ему ночью летать! — у тебя галлюцинація...

ШУРА (*прислушиваясь*). И что онъ тамъ воркуетъ наверху? Не разборчиво такъ! — “Шура” или “Нюра”? А?.. “Шура” или “Нюра”?

НЮРА. Я ничего не слышу, кромѣ свистков... И правда, — эти паровозы заснуть не дадутъ! Свистятъ словно нарочно, в насмѣшку... чтобъ надругаться надъ лучшими чувствами! Будто кого-то освистывают! Заранѣ освистываютъ виновника возможной драмы!

ШУРА “Драмы”?.. А при чемъ тутъ театр?

НЮРА. А притомъ, что готовится скверное представленіе, которое можетъ очень дорого обойтись его устроителямъ! И надо молить Бога, чтобъ оно не состоялось!

ШУРА (*наивно*). А на какомъ же театрѣ оно готовится?

НЮРА (*с усмѣшкой*). На “театрѣ военныхъ дѣйствій”.

ШУРА (*помолчав*). А кому нуженъ такой театр?

НЮРА. Не знаю; — тѣмъ, кто на немъ наживается, вѣрно!

ШУРА. Господи, неужель нельзя добиться, чтобы запретили такіе “театры”?! Чего смотритъ драматическая цензура?

НЮРА. Какъ подумаешь, что сплошь и рядомъ ничтожное, казалось бы, существо, — вродѣ меня напримѣр, — находитъ силы *отказаться*, ради ближняго, от *самаго дорогаго* на свѣтѣ, а культурныя государства,

кичаціяся своею гуманностію и богатством, только и думают, что о кровавой наживѣ за счет других государств!

ШУРА (подумав). Безобразіе! (Снова слышится, среди ночного шума, грохот и свистки железнодорожнаго движенья).

НЮРА. Опять поѣзда... Ни минуты покоя!

ШУРА (крайне нервно). И все с мобилизованными!.. С солдатами, у которых косточки начнут дробить снарядами, поченку разрывать на части, глазки вырывать!..

НЮРА (строго, — приподнявшись на постели). Успокойся!.. Слышишь? Не смѣй больше думать об этом!

ШУРА (забывшись в истерику, кричит протяжно и надрывно). Не хочу войны!.. не хочу, не хочу, не хочу-у!.. (Рыдает, жавшись в комочек).

НЮРА (соскакивает с постели и подбѣгает к сестрѣ). Шурочка, перестань! Перестань, моя милочка! Ну перестань, умоляю! Бог не допустит! Все обойдется! Бог сжалятся! Не плачь! Слышишь?.. (Гладит ее, цѣлует, прижимается к ней, охваченная безысходной жалостью. — *Посль паузы, когда Шура начинает успокаиваться.*) Ай, ай, ай!.. Ну развѣ можно так распускаться?! Прямо срам, ей Богу! Как тебѣ не стыдно? А еще гнѣздышко себѣ устроила на манер птички! Ну гдѣ ты видѣла, чтобы птички плакали?

ШУРА (вытирая слезы). Так я ж еще не настоящая птичка! Я только стараюсь на нее походить! (Нюра смѣется. — *Слѣва доносятся неясные обрывки разговора Лутюгина с женой; слышно, что они спорят, взволнованные, в повышенном тонѣ.*)

НЮРА (прислушавшись). Сейчас мама вернется! (Наскоро цѣлует Шуру и возвращается на свою постель. Лампадка, к этому времени, начинает сильно мигать). Не огорчай маму, Шурочка! Будь паинькой! — она и так ужасно разстроена всѣ послѣдніе дни!

ШУРА. О чем она все спорит с папой? А? И хоть сама разстроена, а его успокаивает! (Прежде, чѣм Нюра улеглась). Оправь пожалуйста лампадку! Что она так мигает сегодня? (Нюра подходит к углу направо, придвигает туда табурет и, встав на него, управляет лампадкой). А как ты думаешь, Нюра, — все хотѣла спросить тебя, — правда это, что дѣдушка рассказывал насчет ангелов?.. Будто там, гдѣ мир водворяется и любовь, — туда ангелы слетаются и даже вьют себѣ гнѣздышки там?

НЮРА (слѣзая с табурета и ложась в постель). Не могу сказать точно. Кто знает?.. Вряд ли дѣдушка из головы это выдумал!.. Знаю лишь, что когда в обществѣ замолчат всѣ разом, — говорят: “Словно ангел пролетѣл”.

ШУРА (обрадовавшись). Вѣрно, вѣрно!.. Видно, не даром так говорится! А? Как ты думаешь?

НЮРА (позвывая). Возможно... (Слышны быстро приближающиеся к спальнѣ шаги “на цыпочках”. Обѣ сестры, как по командѣ,

натягивают на себя одъяла до самых глаз и притворяются спящими. Лампадка снова начинает сильно мигать и, — под ея невпрным свѣтом и от отсвѣтов ея граней, — образуются перемежающіяся тѣни, которыя складываются на стѣнах в смутныя фигуры сражающагося воинства*). — Дверь нальво отворяется и на порогъ ея показывается Серафима Кондратьевна, с горящими “нездѣшным свѣтом” глазами. Она стоит нѣкоторое время, едва переводя дыханье, устремив взор на лампаду. Потом, жестом лунатички, закрывает за собой дверь и, не раздвываясь, бросается, в изнеможеньи, на свою постель. — Тѣни сражающихся, на обоях, начинают, к этому моменту, как бы неистовствовать, под желзный грохот и ляги поъздов. Так проходит нѣсколько секунд, кажущихся вчичностью... Вдруг Серафима Кондратьевна поднимается и, в неописуемом экстазѣ, бросается на колыни, — посреди комнаты, — воздѣв руки к невидимой иконѣ, откуда теплится лампадный свѣтъ).

МОЛИТВА СЕРАФИМЫ КОНДРАТЬЕВНЫ:

Господи Боже мой! Ты расторг силою своею море и спас народ свой из неволи Египетской! Ты дал силу Иисусу Навину остановить солнце на небѣ! Ты пощадил на Руси город Китеж и сохранил его в чистых водах, от потока татарскаго! К Тебѣ взываю я, ибо Ты услышишь меня! Избави нас от крови, болѣзни и смерти, уготованных нам войною! Спаси нас, Боже, от гибели, какую сами себѣ мы готовим! Спаси нас от собственнаго нашего неразумія!.. Много грѣшных на свѣтѣ, Око Всеядящее!.. Но не всё же, о Господи!.. Взгляни на чад моих, Боже правый! Взгляни на отца их несчастнаго, который вѣрит тайно в Тебя, Отче наш! (В голосъ ея начинают дрожать слезы). За что нас обижать еще, Господи? — мы и так живем обиженные и не ропщем! Спаси нас, Боже милосердный, и охрани от воинской брани! О мирѣ всего міра молим Тебя! (Плачет). Пощади!.. Спаси!.. Сохрани!..

(Нюра и Шура не выдерживают искуса жалости и — как только у матери их задрожали в голосъ слезы — бросаются к ней с двух сторон и, плача сами, до-нельзя растроганныя, прижимаются к ней, в горячем порывѣ любви; — “Мамочка, мамочка, не плачь, — повторяют онѣ, — Бог сжалится над нами! Непремѣнно сжалится! Честное слово, сжалится!”. Послѣ этого, фигуры сражающихся тѣней, на обоях, постепенно утихомириваются, лампада начинает свѣтитъ ровным свѣтом, грохот поъздов и свистки паровозов смолкают; все явственнѣе и явственнѣе слышится откуда-то сверху хор безплотныхъ духов: “Слава в вышнихъ Богу и на землѣ мир”).

З А Н А В Ъ С .

*) Эффектъ достигается посредствомъ транспарантныхъ стѣн, за которыми движутся живыя фигуры, или проекціей “волшебнаго фонаря”, помѣщеннаго в суфлерской будкѣ.

КАРТИНА 7-я

В столовой Лутохиных (декорація 1-й и 5-й картины).

Очень рано утром. — Свѣтло, но чувствуется, что утро только-только что смѣнило ночь. — В саду, верхушки деревьев освѣщены нѣжно-розовым свѣтом недавно вставшаго солнца; в комнатѣ же еще сравнительно сумеречно, но, с развитіем дѣйствія, все свѣтлѣет и свѣтлѣет.

Из сада, — сквозь открытыя окна, — доносится на рѣдкость радостное и мелодичное пѣніе птичек, на фонѣ далекаго церковнаго благовѣства.

При поднятіи занавѣса, Дарья вносит самовар и ставит его на накрытый, к утреннему чаю, раздвижной стол, — нѣсколько сокращенный в своих размѣрах.

Слѣва, из глубины, входит Серафима Кондратьевна, одѣтая в затрапезный капот, который очень к ней идет. — Пока Дарья, зѣвая и пожевываясь от утренней прохлады, неторопливо заваривает чай, — Серафима Кондратьевна подходит к календарю, висящему на стѣнѣ, у рампы, и, сорвав лист, показывающій “1 августа”, по новому стилю, и “19 юля”, по старому, долго смотрит, с каким-то мистическим выраженьем лица, на число *2-го августа (20 юля) 1914 года*.

ДАРЬЯ. Сегодня воскресенье... Пойдете в церковь, барыня?

СЕР. КОНД. (обернувшись к ней). Непремѣнно; только не к “ранней”!

ДАРЬЯ. Сами газеты купите али мнѣ сходить? Пожалуй еще рано?

СЕР. КОНД. (вспыхнув). Нѣт, нѣт, совсѣм не рано!.. Пока выйдете до вокзала, онѣ и придут как раз из Питера.

ДАРЬЯ. Ладно! (Уходит налево, почти столкнувшись, в дверях, с Шурой). Доброе утро, барышня!

ШУРА (обнимая Дарью и цѣлуя). Здравствуйте, Дарья!

СЕР. КОНД. А Нюра?.. (Дарья уходит. — Серафима Кондратьевна садится за стол и разливает чай).

ШУРА. Пусть ее, мама, подремлет еще! — Она так вчера измучилась! (Садится за стол, рядом с матерью). А почему ты, мамочка, так жарко молилась вчера? Развѣ в самом дѣлѣ войну объявили?

СЕР. КОНД. Хотѣли. (Она наливает Шурѣ сливок в чашку, намазывает ей сухарик маслом, обмакивает его в чай и сует ей в рот, по старой привычкѣ, как “маленькой”). Хотѣли отнять у нас Мишеньку, у других Гришеньку, у третьих Нетичку, Федичку, Сашу, Аркашу! И только затѣм, чтобы безобразіе в мірѣ умножить, а заодно и

число инвалидов, покойничков, вдов и сирот!.. Как же не взмолиться, при этом, к Создателю!

ШУРА (с набитым ртом). Понимаю!

СЕР. КОНД. (обнимая ее и ласково пощипываясь). А ты очень любишь Мишеньку? Очень, скажи? *(Пощипует ее, почти "закармливая")*.

ШУРА (не раскрывая рта). Угу!..

СЕР. КОНД. За что же ты больше всего его любишь?

ШУРА (проглотив наскоро остаток третьего сухаря). Так вѣдь он же как птица!.. — Летчик! Порхает себѣ по поднебесью, как голубь, и горя ему мало! Ну, ясное дѣло, — глаз от него не оторвешь!

СЕР. КОНД. (смѣясь). Ах, вот что?!.. *(Цѣлует ее)*.

ШУРА (пьет чай с блюдечка, дуя на чай, чтоб остыл, и болтает под столом ногами). Что же может быть лучше на свѣтѣ, чѣм птица? Да еще такая чудесная, как Миша?

СЕР. КОНД. Так что же это такое? — Выходит, что ты его с аэропланом *вмѣстѣ* любишь? То-бишь с крыльями?

ШУРА. А развѣ это грѣшно?

СЕР. КОНД. Нѣт! Но... как же ты с ним устроиться думаешь, ежели он мил тебѣ *только* с крыльями?.. Ты вѣдь знаешь, — папа с мамой часто отдыхают на одной кроваткѣ! И Миша твой того же захочет! А как же с крыльями ты его спать-то уложишь? Вѣдь это же невозможно! Никакой аэроплан в кроваткѣ не помѣстится!

ШУРА. Я и не хочу, чтобы в кроваткѣ! — Я хочу жить в гнѣздѣ, на деревѣ!

СЕР. КОНД. Ну все равно! Вѣдь спать-то гдѣ-нибудь надо?

ШУРА. Спать?.. А на что он мнѣ нужен, когда я сплю? Я его тогда во снѣ вижу! И еще лучше, чѣм на яву!

СЕР. КОНД. Так ты его и *так* можешь видѣть во снѣ! Для этого незачѣм выходить замуж!

(В полуоткрытой двери, на заднем планѣ, безшумно показывается Нюра; сперва она как-будто собирается на цѣточках подойти к матери, но потом, вслушавшись в бесѣду, замирает на мѣстѣ в выжидательной позѣ).

ШУРА (подумав). Ты думаешь?

СЕР. КОНД. (дипломатично поджимает губы и наливает себѣ и Шурѣ еще по чашкѣ чаю). Кушай!

ШУРА (уныло)... Я так мечтала о нем, так мечтала!

СЕР. КОНД. А кто же тебѣ и дальше мечтать запрещает?.. Мечта это — разлюбезное дѣло и поступаться ею не слѣдует!

ШУРА. Я и не собираюсь; потому что когда мечта сбывается, — ее уж и негути больше, "поминай как звали"!

СЕР. КОНД. Вот то же самое и с Мишей у тебя может случиться: исчезнет он, как "мечта", и "поминай как звали"!.. А если Нюра выйдет замуж за Мишу, — он для тебя никогда не исчезнет и все время будет кружиться над твоим гнѣздышком, как "мечта"!

ШУРА. Как голубок, ты хочешь сказать?

СЕР. КОНД. Ну как голубок! Да и мы с тобой тогда не разстанемся — будем жить около твоего гнѣздышка!

ШУРА (повеселѣв). А вы с папой будете ко мнѣ в гнѣздышко лазать?

СЕР. КОНД. Ну конечно! Что за вопрос? Нешто мы “аспиды”, чтобы к пташкѣ родной да в гнѣздо не навѣдаться?!

ШУРА. А дѣдушка?

СЕР. КОНД. (подумав). Вот насчет дѣдушки не знаю: — стар он больно! Хотя прежде, говорит, бѣгом на верфи взбирался!

ШУРА. А Нюра?

НЮРА (подбѣгая к Шурѣ, в неописуемом восторгѣ). Буду! Буду! Развѣ я могу прожить без тебя! Я же тебя люблю больше жизни! (*Зацѣловывает Шуру*).

ШУРА. Ну, если так, так сдѣлай мнѣ, Нюрочка, одолженіе: скажи Мишѣ, что я хоть и очень его люблю, но... раздумала насчет замужества! Сошлись на мое нездоровье, чтобы он не обидѣлся, и... на гнѣздо, куда я думаю переѣхать! Скажи, в утѣшенье, что ты его *тоже* любишь, но предпочтительно на *землю*, а я в *поднебесьи*! — в этом вся разница! Растолкуй ему пожалуйста, как умѣешь! А то мнѣ самой ужасно неловко! Обѣщаешь, Нюра?

НЮРА. Обѣщаю и клянусь! — будь спокойна! (*Шура обвивает ея шею руками и горячо цѣлует*).

ЛУТОХИН (входя съѣв, в рабочем костюмѣ). С добрым утром, дорогія мои! Как спали? (*Цѣлует жену и дочек*). Газет еще не принесли?

ДАРЬЯ (вбѣгает, запыхавшись). Вот газеты!.. Еле раздобыла! (*Передает Лутохину и Нюрю “Рѣчь” и “Петербургскую газету”*). Так и рвут у газетчика! Так и рвут! Словно невидаль! Даже оторопь взяла! Сколько лѣтъ в Гатчинѣ маюсь, а ничего подобного не видала! И народ такой праздничный-препраздничный! Говорят, сегодня самыя что ни есть важнющія вѣсти в газетах: и насчет государя, и про Думу, и о войнѣ!

СЕР. КОНД. (пока Лутохин и Нюра читают, не отрываясь, газеты). А отец гдѣ?

ШУРА (почти в голос с матерью). Гдѣ дѣдушка?

ДАРЬЯ. На базар ушел спозаранку: — торговка ему одна гагачьяго пуха, для гнѣзда, обѣщала. По сходной цѣнѣ: не то рупь двадцать, не то два двадцать, — запомятовала!

СМОЛЬКО (входя с корзиной, наполненной гагачьим пухом). Три двадцать! Первый сорт! — я еще гривенник выторговал!

ЛУТОХИН (оторвавшись наконец от газеты “Рѣчь”, очутившейся в его руках, говорит прерывающимся, от радостнаго волненія,

голосом). Друзья мои!.. Нѣчто прямо невѣроятное! Такой сюрприз, что... дух захватывает от неожиданности!

СЕР. КОНД. }
ШУРА. } Что такое?
ДАРЬЯ. }

ЛУТОХИН. Полная “перемѣна декорацій” во внѣшней политикѣ! Всѣ вопросы разрѣшаются самым мирным путем и притом со сверхъестественною быстротою! Такая небывальщина, что просто диву даешься!

СЕР. КОНД. Да в чем дѣло? — не мямли! Какой такой “сюрприз”?

ЛУТОХИН (*скорѣе “выпаливая”, чѣм выговаривая сенсационные заголовки газеты*). “Никакой войны отнынѣ больше не предвидится: угроза ея пресѣкается раз навсегда! Найден компромис, принятый к исполненію как Австро-Венгріей, так и Сербіей. Тяжба между ними переносится завтра же в Гаагскій Трибунал”!

НЮРА (*читает скоро и четко “Петербургскую газету”*). “Согласно благой инициативѣ королевы Нидерландов Вильгельмины и вдовствующей императрицы Маріи Федоровны, пребывающей нынѣ за границей, состоялось тайное свиданіе премьер-министров великих держав на предмет дружественнаго воздѣйствія на державное правительство Австро-Венгрии. Желанный Компромис обрѣтен и всѣ спорные вопросы между тяжущимися принципиально разрѣшены”.

ЛУТОХИН (*в азартѣ*). Вот это здорово! А?! Что скажете?

(*Справа вбѣгает Леонтій, с газетой в руках*).

ЛЕОНТІЙ (*кричит*). Товарищи! Нѣчто неслыханное! Читали?

СМОЛЬКО (*гаркает*). Молодцы, хлопцы!

СЕР. КОНД. (*с шутливым укором*). Какіе “хлопцы”? — это императрица-то Марія Федоровна да королева Голландіи?

СМОЛЬКО. Ну все равно: начальство!

ДАРЬЯ (*расчувствовавшись, вытирает фартуком слезы*). И до чего хорошо прописали! Ажню слеза прошибает! Хоть и не разобрать, что к чему, а прямо дух захватывает!

СМОЛЬКО (*смѣясь*). Эх ты, “деревня”!

ЛЕОНТІЙ (*кричит ей, захлебываясь от радости*). Войны не будет! Войну избѣжали!

ДАРЬЯ (*простодушно*). Какую войну? (*Громовым хохот присутствующих*). Чего же вы смѣтетесь-то? Мало ли какія войны бывают! Нешто за всѣми услѣдишь!

ЛУТОХИН. “Европейской войны” не будет! “Всемирной”! Попяла?

ДАРЬЯ (*махнув рукой*). А ну вас, право! Все смѣтеть надо мной! А у меня на кухнѣ вода грѣется! Вскипѣла, быть может, а я с вами прохлаждаюсь! (*Убѣгает, под общій хохот*).

ЛУТОХИН (*женѣ*). Что же ты сидишь так, будто ничего особеннаго не случилось? Неужели не поражена?!

СМОЛЬКО (*разводя руками*). Просто сногшибательно, до чего ловко все оборудовали!

СЕР. КОНД. (*ко всем*). А что ж тут “сногшибательного”? — Неужели вы серьезно полагали, что дѣло дойдет до войны?!

ЛУТОХИН. Да что ты, матушка, газет вчера не читала?!

СЕР. КОНД. Мало ли что газеты пишут! За мной в молодости один журналист ухаживал; так такого врунишки я в жизни не встрѣчала!

ЛУТОХИН (*недоумывая*). Но развѣ ты сама не чувствовала, что призрак войны уж навис над нами? Развѣ это не было сущей правдой?

СЕР. КОНД. Конечно. Но правда правдѣ — рознь! Вѣдь и то, что мы видим во снѣ, тоже кажется правдой!

ЛУТОХИН (*слегка теряя терпѣніе*). Тебѣ говорят не про сон, а про то, что было в дѣйствительности!

СЕР. КОНД. В какой дѣйствительности? Есть правда у Бога и правда у людей! И порой онѣ вовсе не схожи!

ЛУТОХИН (*улыбается, чтобы скрыть досаду*). Я говорю про людскую правду, — про ту, что всемъ ясна как солнце!

СЕР. КОНД. (*усмываясь*). Ну и напел сравненіе! — солнце кажется величиною с тарелку, а на самом дѣлѣ куда больше, коль не вруг астрономы! Мало ли что *кажется!*.. Но ты это хорошо сказал про “призрак войны”! Это именно “призрак”. А призраков только дѣти боятся, потому что их не существует на самом дѣлѣ!

ЛУТОХИН (*махнув рукой*). С тобой трудно спорить!

СЕР. КОНД. Да тут и спорить не о чем! — Ну развѣ можно повѣрить в самую возможность войны! И это в то время, как к услугам человечества всякіе суды и международные трибуналы! Да вѣдь надо быть сумасшедшим, чтобы при нынѣшних способах изничтоженья друг друга, броситься в драку, как озорные мальчишки! Нешто здравомыслящій человекъ может вообразить себѣ такую нелѣпость!

ЛЕОНТИЙ. Это что и говорить: — трудно представить себѣ, что бы вышло, коль война началась бы!

СМОЛЬКО (*горячо*). Конфуз! Сплошной конфуз! Потому как русскій флот при Цусимѣ погиб, а казаки с нагайками — это ж нѣ войско, звываясь!

СЕР. КОНД. Начни войну сегодня Австрія, — слѣда от нея не осталось бы на картѣ Европы! Начни ее Вильгельм, — кончилось бы его изгнаніем из Германіи! Начни ее нап император, — погибла бы не только Россія, но и сам вѣнценосец, призывавшій нѣкогда ко всеобщему разоруженію! (*Ея слова перебиваются музыкой проходящаго мимо дома военного оркестра*).

ДАРЬЯ (*выскакив из двери, в глубинѣ, орет радостным голосом*). Солдаты возвращаются с мобилизации!.. (*Давая представление о массѣ народа*). Народ-ду-у!.. (*Машет рукой. Из передней, справа, слышен звонок*). Идите поглядѣть, до чего весело! Просто ужаси! Слеза прошибает, — так чувствительно! Невозможно смотрѣть, — потому не ожидали!.. (*Всѣ смѣются. Сер. Кондр. с дочками уходят пальво*).

ЛУТОХИН (при повторном звонкѣ из передней). В передней звонят!.. Слышите, Дарья?!

ДАРЬЯ. Сичас! (Убѣгает в переднюю).

СМОЛЬКО (подхватывая под-руку Леонтія). Треба побачить, чи они в походной амуниці але в ординарной! (Уходит с Леонтіем налево. — Лутохин хотѣлъ было последовать за ушедшими, как входит студент Воскресенскій и Потапов. — Музыка постепенно смолкает).

СТУДЕНТ ВОСКРЕСЕНСКІЙ (здоровается с Лутохиным, как челонок, у котораго “рыльце в пушку”). Простите великодушно за ранній визит, но... такія событія, что не могли удержаться, чтоб не заглянуть к вам! Ну что вы скажете?!

ЛУТОХИН. Чудо.

ПОТАПОВ. Вот именно чудо! (Из передней раздается звонок).

ЛУТОХИН (кричит, подходя к двери налево). Дарья!.. (Снимает с полки небольшой томик с закладкой, вышитой Нюрой). Не помню, показывал ли я вам закладку, которую подарила мнѣ Нюра?

СТУДЕНТ. Нѣтъ.. (Прочищая пенсы). Разрѣшите заглянуть?

ЛУТОХИН. Закладка хороша; но еще лучше — страница, которую “заложил” мнѣ Нюра! (Дарья пробѣгает, на повторный звонок, в переднюю. — Лутохин читает). “Дитя, когда ты появляешься на свѣтъ, — всѣ вокруг тебя улыбаются, одно ты плачешь; сдѣлай же так, чтобы, когда ты станешь покидать этот свѣтъ, всѣ бы вокруг тебя плакали, одно ты улыбалось бы!”.

ПОТАПОВ (с глубокомысленным видом). Нда-с! Что называется, в самую точку!

ДОКТОР ДРОБНИЦКІЙ (входит радостно настроенный, с “лекарским несесером” и газетным листом, сопровождаемый Дарьей, которая, впустив доктора, снова убѣгает, на звонок, в переднюю). Здравствуйте, Семен Иванович! Событія-то какія! А? Кто бы мог ожидать?! Просто чудо! (Здоровается с Лутохиным, студентом и Потаповым).

ЛУТОХИН. И впрямь, нѣчто невѣроятное!..

ДОКТОР. Мнѣ ваша Дарья занесла записку; что с супругой? Снова занемогла?

ЛУТОХИН. Обошлось; — вчера ужасно нервничала; а как принесли сегодняшнія газеты, — всю хворь как рукой сняло!

ДОКТОР. Ну, слава Богу!.. Событія и впрямь такія, что лучше всяких лекарств: — хотѣлъ по-пути зайти к одному паралитику, а он сам, — смотрю, — бѣжит мнѣ навстрѣчу и “Экстренным Бюллетенем” помахивает! Читали? (Разворачивает газетный лист, с которым пришел).

ЛУТОХИН.

СТУДЕНТ. | Что это такое?

ЛЕОНТІЙ. |

ДОКТОР (выждав, пока они успокоятся, продолжает чтение).
“Проект Соединенных Штатов Вселенной”.

ПОНЧИК (вблгает, сопровождаемая Дарьей, с газетой в руках).
Товарищи! Да здравствует свобода!.. Читали? (*Читает запыхавшись*).
Федеральная Ассамблея Швейцарской Республики обратилась ко всем народам мира с предложением выяснить условия, на коих могло бы состояться обсуждение проекта Соединенных Штатов Вселенной... (*Начавшийся церковный благовест заглушает слова “курсистки”. Окружающие ее Лутохин, Потапов, доктор, студент и Леонтий сами дочитывают, с упоением, текст “Экстренного Бюллетеня”, обмениваясь неслышными, — за звоном, — замечаниями, комментариями и междометиями. — Во время этой мимической сцены, слева появляются принарядившаяся Серафима Кондратьевна, во всей своей “иконописной” красоте, ее две дочери и дядя Смолько. Общия приветствия и поздравления, посредством вынужденной “пантомимы”).*

ЛУТОХИН (как только благовест смолк). Куда это вы собрались?

СЕР. КОНД. В церковь, на молебен.

ЛУТОХИН. А-а! Ну идите, идите! (*Доктор ему шепчет что-то на-ухо*).

СТУДЕНТ (дамам). Я вас провожу маленько! — разрешаете? Сегодня пречудесная погода! Прямо на заказ!

СЕР. КОНД. Сдѣлайте одолжение! (*Уходит направо, сопровождаемая Шурой, Смолько и студентом в то время, как Пончик, Потапов и Леонтий, откланявшись, удаляются налево в переплетную с газетой, которую они чуть не вырывают друг у друга*).

НЮРА (задерживает прощаясь руку доктора и обращается к нему интимно с вопросом). А гдѣ же Миша?... Мы так за него безпокоились!.. Он на фронтѣ?

ДОКТОР (машет рукой). Какой там “фронт”! (*Переминивается с Лутохиным*).

НЮРА. Так гдѣ же он?

ДОКТОР (ворчит, не без комикованья). А шут его вѣдает! — с этими летчиками прямо наказание: никогда не знаешь, гдѣ они: на землѣ или в поднебесьи!

НЮРА. Я так хотѣла б его повидать!

ДОКТОР. А вы думаете, я не хотѣл бы? (*Заговорщицки подталкивает локтем Лутохина*).

НЮРА. У меня к нему дѣло!

ДОКТОР. Какое?

НЮРА. Гм... по порученью сестры...

ДОКТОР (лукаво). Ах, “по порученью”...

ЛУТОХИН (ей). А сама б ты не хотѣла его видѣть?

НЮРА. Гм... может быть и хотѣла б, если б он хотѣл! (*Направляется к выходу*).

ДОКТОР (преграждая ей дорогу). А вы думаете, он не хотѣл бы?!

НЮРА. Если б хотѣл, то пришел бы. А раз его нѣтъ в такой день, как сегодня...

ДОКТОР (*напряжик*). Значит, он вас не любит?! Это вы хотите сказать? (*Она молчит*). Ну, так я вам ставлю единицу за познания в психологii! (*Отходит, взволнованный, к открытому окну и заглядывает в сад*).

НЮРА. Как так?

ДОКТОР. А так, что вы забыли о самолюбii, “отверженнаго”, которое удерживает его от... навязчивости!

НЮРА (*раздраженно*). Ах, вот что?!.. Ну, знаете ли, я была другого мнѣнія о Мишѣ. Досадно, если так ошиблась!

ДОКТОР “Досадно”? (*Схватив ее за руку, нашептывает ей, с “мефистофельским” видом*). Так топните ножкой с досады и он тотчас явится вас утѣшить!

НЮРА (*вырывая руку*). Простите, доктор, но мнѣ не до шуток!

ДОКТОР. А-а!.. понял-с! — мы вас стѣсняем? (*Лутохину, беря его под-руку*). Семен Иванович, на два слова! (*Увлекает его в переплетную и закрывает за собой дверь. Снова издали доносится полковая музыка, — на этот раз приближающейся конницы, — и при-
ветственные клики народа*).

НЮРА (*стоит некоторое время растерянная, с недоверчивой улыбкой, в нерешительности и досады. Потом, обернувшись на дверь, в которую ушел доктор с Лутохиным, сердито топает ногой и направляется в переднюю*).

МИША (*вскакивая в окно*). Нюра! Куда вы?!

НЮРА (*задохнувшись от счастья*). Миша?!... Вы?!..

МИША. Здравствуйте!.. Страстно берет ее за обѣ руки и покрывает их поцѣлуями).

НЮРА. Гдѣ вы были сейчас?

МИША. С вами... в мыслях... с вами всегда! (*Обнимает ее, в безумном порывѣ любви*). Ты любишь меня?

НЮРА (*заплакав*). И ты еще спрашиваешь?!

МИША. По-настоящему?!

НЮРА. Сильнѣй нельзя! (*Он сливается с ней в поцѣлуй, смѣшив свои слезы с ея. — Дикующий грохот полкового оркестра смѣшивается с начавшимся перезвоном церковей. Солнечные лучи наполняют комнату таким нестерпимым блеском, что поневоля приходится опустить: —*

З А Н А В Ъ С

КАРТИНА 8-я

Перед дачею Лутохиных.

Вечерѣтъ... Сцена залита мягким, сиреневатым свѣтом, придающим людям и вещам призрачный характер.

Окно направо раскрыто. Около него, немного высунувшись наружу, сидит Серафима Кондратьевна и смотрит куда-то вверх, направо, словно на макушку высокого дерева, распускающего предположительно на мѣстѣ рампы. — Оттуда, с высоты, раздается умильно-дѣтскій голосок Шуры, подражающей, на всѣ лады, птичкѣ: “тью-тью-тью-тью-тью...”.

СЕР. КОНД. Ишь, куда забралась!.. Ну, как там? Хорошо? Голова не кружится?

ГОЛОС ШУРЫ (издали — сверху). Хорошо!.. близко к небу, к звѣздам, к Богу!.. Все земное кажется отсюда муравьиной хлопотней.

СЕР. КОНД. Ну, поздравляю с новосельем!

ГОЛОС ШУРЫ. Спасибо, тью-тью-тью!..

СЕР. КОНД. Тепло, в гнѣздышкѣ-то?

ГОЛОС ШУРЫ. И еще как! — ночью пух грѣет, а днем солнышко припекает; вѣдь отсюда до него “рукой подать”! Приходи в гости, мамочка: сама убѣдишься!

СЕР. КОНД. Непремѣнно! — дай только с хозяйством справлюсь! Вѣдь оно на новые рельсы становится! Вездѣ теперь перемѣны! Вся жизнь перестраивается!

ГОЛОС ШУРЫ. Интересно, тью-тью-тью?

СЕР. КОНД. Ну еще бы!.. Теперь, с новыми машинами и при равенствѣ всѣх, в отношеніи земных благ, людям не больше двух мѣсяцев надо работать в году! Остальное время — хочешь, гуляй, хочешь, учи высшим наукам, хочешь, спи себѣ на здоровье или ходи в даровое кино, в музеи, библиотеки, путешествуй бесплатно куда вздумается!

ГОЛОС ЛУТОХИНА (из дачи). Сима-а!.. Симочка!.. Гдѣ ты, родная? Пора спать, милая! — поздно!

СЕР. КОНД. (кричит, обернувшись). Я здѣсь! *(Подняв голову, лицом к публикѣ).* Папа спать клячет. Спи, моя пташка, и ты! Спокойной ночи! *(Посылает вверх воздушные поцѣлуи. Надвигаются сумерки).*

ГОЛОС ШУРЫ. Спокойной ночи, тью-тью-тью! Я тебя, мамочка, сверху теперь охраняю и ты ничего уж не бойся! Слышишь? *(Заливается птичьим пнѣем “тью-тью-тью”, во время котораго Сер. Кондр. закрывает окно и исчезает в быстро наступающей ночной темнотѣ. Рѣзкій грохот поезда заглушает птичье щебетаніе Шуры. Справа, у самой рампы, входят, в сопровожденіи фельдшера Потапова, два санитаря, с носилками, на которых стонет смертельно раненный Миша. И Потапов, и оба санитаря — в военно-походной одеждѣ; у передняго санитаря к кушаку прикрѣплен зажженный фонарь. Поставив носилки наземь, санитары отирают пот со лба и закуривают, в то время, как Потапов стучит логонько в окно. — Начиная с этой сцены, дѣйствіе ускоряется, чередуя, к концу его, картины как в лихорадочном кошмарѣ).*

ДАРЬЯ (*открыв окно*). Кого это вы притащили сюды? А? Чего надоть?

ПОТАПОВ (*“под хмельком”*). Поручика Дробницкаго. Плечо ему ранили. Хочет с невѣстой, перед смертью, проститься.

ДАРЬЯ. Ой страсти какія! Не даром сказывали, что война не к добру! И то сказать: мясо для супа и то два с полтиной таперь, яйца — рушь сорок, а к картошкѣ и не подступись, даром, что мерзлая!

ПОТАПОВ. То-то и оно! Пора по-домам, а начальство не пускает! Дескать, мало еще воевали для профиту буржуев! Мало еще попили нашей кровушки! (*Смачно сплюнув*). В дом тащить женишка али ваша невѣста сама к нему выйдет?

ДАРЬЯ (*простодушно*). В столовую несите! — там стол; в случаѣ, Богу душу отдаст, — есть куда положить. А папа их гдѣ? Доктор Дробницкій то-исъ?

ПОТАПОВ. В лазаретѣ: — сыпной тифъ подхватил. (*Санитарам*). Ну, ребята, за дѣло! (*Дарьѣ, в то время, как санитары поднимают носилки с Мишей*). “Сыпняк” на фронтѣ так и косит, потому — вошь всю Рассѣю заѣла! (*Уходит, вслѣд за санитарями, нальво*).

ДАРЬЯ (*ему вслѣд*). Истинная правда! Всюду вошь: в ней теперь вся сила над Рассѣюшкой! (*Закрывает окно и исчезает в полной темнотѣ, в которой “стѣна” дачи незамѣтно взвизываетъ, чтобы потом обнаружить, при свѣтъ, столовую Лутохиных, с календарем 1916 года, показывающим 13 мая по новому стилю. — Гдѣ-то близко проходит, со свистом и грохотом, длинный желѣзнодорожный поѣзд. Темноту столовой прорываетъ свѣтъ фонаря, прицѣпленнаго к кушаку одного из санитаров; — они вносят Мишу, на носилках, в столовую, ставят их посреди комнаты и исчезают в то время, как Дарьѣ зажигает лампу*).

НЮРА (*вбѣгая, с плачем*). Гдѣ?.. Гдѣ?.. Миша!.. Ненаглядный! Очнись! Миша! Мишенька! (*Падает на его грудь и рыдает*).

ШУРА (*вбѣгая*). Что случилось?.. Ранили моего голубка?

НЮРА (*ей*). Тихе! — он в забытїи! (*Входит Дарьѣ и останавливается недалеко от носилок, с сокрушеньем качая головой*).

ШУРА (*склоняясь над Мишей, хватает его за руку*). Что это?.. Боже мой!.. Оторвали лапку у моего голубка!.. (*Подняв глаза кверху*). О, злая птицы! Проклятые коршуны! Они его заклевали! Они отняли у меня все счастье жизни, ея смысл и отраду!

НЮРА (*строго*). Брось декламировать! — Нашла время!..

ШУРА. Я говорю искренне! Потому что этой самой рукою он гладил мои волосы, пожимал мою руку. Боже мой! Этой рукою он крестился, молясь Тебѣ, Господи! Этой рукою он правил рулем, летя навстрѣчу солнцу и правдѣ!..

ДАРЬЯ (*вытирая слезы фартуком, хныкает*). Невозможно, до чего как жалостно. Прямо смотрѣть нельзя, чего это война надѣлала!

МИША (*приходя в себя*). Гдѣ я? Что со мной?.. Дайте пить!.. Словно жгут меня изнутри! Я жить хочу! Слышите?.. Мнѣ 23 года!..

Гдѣ папа?.. Сходите за папой! Мнѣ больно, мнѣ невыносимо больно! Кто меня ранил так? Что за пытка! За что?.. (Рыдает, как маленький мальчик. А в это время слышатся звонки из передней, стук в дверь и грубые мужскіе голоса. — Дарья и Нюра быстро уносят носилки с Мишей вглубь, нальво, Шура за ними слѣдует, истерически осыпая себя многократным крестным знаменем. Лишь только всѣ четверо исчезли в дверях, на заднем планѣ, как из дверей слѣва, на переднем планѣ, выходит Лутохин. — К этому моменту, на стѣнном календарѣ, дата 1916 года незамѣтно смѣняется датой: 27 февраля 1917 года, по старому стилю, и 12 марта по новому).

ЛУТОХИН (кричит). Дарья! Куда вы пропали? Звонят, стучат, а ей и дѣла нѣтъ! Да-арья!.. (Дарья появляется слѣва и пробѣгает направо, в переднюю). Неужели не слышите, что к нам чуть не ломятся?!

ПОЛИЦЕЙСКІЙ ПРИСТАВ (появляется справа, на порогъ передней, с портфелем под мышкой; за ним, — чуть виднѣясь, — два нижних чина). Господин Лутохин? Семен Иванов?

ЛУТОХИН. Да. Что вам угодно?

ПОЛИЦ. ПРИСТАВ (вынимая из портфеля какую-то бумагу). По долгу службы, предъявляю вам ордер на производство обыска в вашей квартирѣ и мастерской! (Дѣлает два шага вперед и тѣм дает возможность Дарьѣ пройти сзади него нальво).

ЛУТОХИН. А в чем меня подозрѣвают?

ПРИСТАВ (заглянув в бумагу). В распространѣніи противоправительственной брошюры “Рабочій класс перед угрозой войны”. — Это вѣдь у вас служил рабочій Леонтій?

ЛУТОХИН. Да. А что? (Сразу сообразив). А-а! Так вот кто меня предал?!

ПРИСТАВ. Угодно ли указать, гдѣ хранится ваша нелегальщина и тѣм облегчить задачу дознанія?

ЛУТОХИН. Я социалист, господин пристав, и потому не в моих правилах “облегчать задачу” царской полиціи!

ПРИСТАВ. В таком случаѣ я принужден подвергнуть вас аресту! (Вынимает другую бумагу). Вот соотвѣтствующій ордер! Извольте слѣдовать за мной в Полицейское Управление!

НЮРА (а за ней и Шура бросаются, с плачем, к отцу). Папочка! Куда они ведут тебя? Папочка! Возьми нас с собой! (Вьшлются на шею отцу и цѣлуют его, плача).

ПРИСТАВ (отстраняя их). Не извольте мѣшать исполненію служебнаго долга! (Ему). Марш вперед! (Уводит Лутохина, в окруженіи нижних чинов полиціи).

СЕР. КОНД. (входит слѣва, из глубины, слегка позывывая, в безмятежном настроеніи духа). Шура! Нюра! Куда вы дѣлись? (Подходит к буфету, наливает себѣ воды и пьет. С ея появленіем, на сценѣ становится немного свѣтлѣе, а за окнами вырисовываются, под лучами прожекторов, великолѣпныя строящіяся зданія).

НЮРА и ШУРА (вбѣгая из передней, бросаются к матери,

жмутся к ней и говорят наперебой). Мамочка, не спи так долго! — когда ты спишь, нам становится так страшно, так тягостно, что хочется умереть!

СЕР. КОНД. Ох, маловѣрныя! Чего вы все боитесь? — вѣдь это ж мои сны безпокойные вас тревожат, а вовсе не дѣйствительность! Сны мои! А не дѣйствительность!

НЮРА (*поцѣловав ее в теку*). А что же тебѣ снилось сейчас?

СЕР. КОНД. (*улыбаясь*). Да всякая ерунда! — будто война с нѣмцами разразилась, Мишу бѣдненькаго убили, началась революція, Семена Иваныча забрали в кутузку! — мало ли какія глупости могут присниться!.. (*Смотрит в окна. — Слышится нѣжная музыка, незаметно начавшаяся, во время этого монолога, и неизвестно откуда взявшаяся*). Смотрите-ка, дѣти, какія постройки стали возводить в нашей Гатчинѣ! — Помните, Потапов предсказывал “эдакіе небоскребочики”?.. Прямо пророк оказался! Вот что значит, когда миллиарды идут не на разрушенья войны, а на зодчество мира!

ГОЛОС СМОЛЬКО (*слѣва*). Сима!.. Симочка!..

НЮРА (*Шурь, с глубокой печалью в голосъ*). А мамѣ все хуже и хуже! (*Показывает на лоб*).

ШУРА. Чѣм хуже? Вот глупости! — я завидую мамѣ: она живет в другом мѣрѣ, гдѣ царит правда Божья, а она правдивѣе здѣшней правды! (*Слышится отдаленный рев толпы, выстрѣлы и “Марсельеза”, заллушаемая “Интернаціоналом”*).

СМОЛЬКО (*входя слѣва, крайне взволнованный*). Участок подожгли! А там батька ваш сидит под арестом! Вот вам и свобода, кровью добытая! (*Закрывает ставни*). Нѣ свобода, а сплошной конфуз, коли “своя своих нѣ познаша”! (*Звонок из передней и громкій стук в дверь*).

НЮРА (*кричит*). Да-арья!..

СМОЛЬКО. Нѣма ея, — нѣ кричи! Она, як другіе, с красной тряпкой пошла на процессію! (*Направляясь в переднюю, отплеивается*). Тыфу ты, бисово отродье, до чего народ избаловавшись! (*Уходит направо*).

ШУРА (*плача на груди Нюры*). Папочку сожгут живьем! Нашего добраго папочку! (*Справа входит студент Воскресенскій, — в кожаной курткѣ, финской шапкѣ с наушниками, и при огромном револьверѣ в кобурѣ. За ним Смолько и два матроса с ружьями, увѣшанные патронными лентами. В одном из матросов нетрудно узнать Леонтія, сподручнаго Лутохина*).

СТУДЕНТ ВОСКРЕСЕНСКІЙ (*ставит матросов, на положеніи “часовых”, — одного у двери в переднюю, другого у двери слѣва, на заднем планѣ*). Никого не пускать, товарищи! Слышите?

ЛЕОНТІЙ. Будьте спокойны, товарищ!

СТУДЕНТ (*окинув взором комнату, срывает листы со стѣнного календаря*). Однако, здѣсь не торопятся жить, чорт побери! (*Оставляет на календарѣ дату 26 октября 1917 г. и обращается к Нюрѣ, кра-*

суясь своей развязностью). Здравствуйте, гражданочка! Что же вы не поздравляете, в моем лицѣ, побѣдившій пролетариат? Ну поцѣлуйте же меня по-товарищески!

СМОЛЬКО. Онѣ еще махонькія, господин студент, чтобы цѣловаться с хлопцами!

СТУДЕНТ (ему). Тебя не спрашивают! (Нюрѣ). Я пришел с обыском от Революціоннаго Комитета.

НЮРА. Насчет брошюр этих самых?

СТУДЕНТ. Вы догадались! А также и насчет прокламацій, которыя вы прячете быть может у себя на груди или под юбкой, кто вас знает! Слѣдуйте ж за мной в мастерскую: — я лично учиню вам натѣльный обыск! (Леонтій и другой матрос плотоядно ржут, в то время как студент тащит Нюру в переплетную).

СМОЛЬКО (не пуская Нюру). Она еще махонькая, господин студент!

СТУДЕНТ. А вот мы в этом и убѣдимся сейчас! (Матросы снова гогочут).

СМОЛЬКО (отпихивая студента). Нэ позволю, сукин сын! Пошел прочь! Слышишь?!

ЛЕОНТИЙ (подходя к нему, с ружьем на-перевѣс). Ну, ну! Не дури, старик! Брысь! (Отталкивает его логонько прикладом; — студент втаскивает Нюру в переплетную и с шумом запирает изнутри дверь).

СМОЛЬКО (орет сердито). Ах, ты вот яки фасон со мной держишь?! Сволочь паршивая! (Дерется с Леонтием, цѣдя бранныя слова сквозь стиснутые зубы, в то время как из переплетной доносится невнятная возня и гул голосов).

КРИК НЮРЫ (из переплетной). На помощь!.. Надо мною хотят надругаться!.. Это насиліе! Дѣ-душка!.. Спаси меня!

ЛЕОНТИЙ (хохочет). Попала дѣвушка в переплет!

СМОЛЬКО. Я тебѣ покажу, кто “попал в переплет”, сучій сын! (Ударяет Леонтія наотмашь в грудь. Другой матрос стрѣляет в Смолько и старик валится на пол).

ШУРА (бросаясь к Смолько). Дѣдушка! Очнись! Дѣдушка, что с тобой? Что же ты молчишь? Мнѣ страшно! (Тормозит старика).

СТУДЕНТ (возвращается слѣва, — красный, потный, — оправляя костюм). Ну, товарищи, айда по домам! — пора ужинать, а то вдѣсь ни корки хлѣба!

ЛЕОНТИЙ (приводя себя в порядок послѣ драки, обращается шутливо к студенту). “Разговѣлись”, Александр Емельянович? — проздравляем с побѣдой! (Пересмѣивается с другим матросом и всѣ трое удаляются направо, напѣвая “Ах, яблочко, да куды кѣтисься? Попадешь к нам, в Кронштадт, — не воротисься!”).

НЮРА (входит слѣва, шатаясь, с растрепанными волосами и обезумѣвшим взором). Что с дѣдушкой?..

ШУРА (рыдает, причитая). У-умер! У-умер! Дѣдушка умер! Дѣдушка бѣдвенькій! Умер, — убили!

НЮРА (склоняясь над дѣдом). Ах, лучше бы меня убили! — не перенести мнѣ моего позора! Не перенести мнѣ безчестья! *(Плачет).*

СЕР. КОНД. (входит и на сцену сразу же становится свѣтлѣе). Что тут у вас за возня?.. Что случилось такое?

СМОЛЬКО (подымаясь). Да ничего не случилось! С чего ты взяла?.. Обронил я тут ключ в темнотѣ, стал искать и упал, поскользнувшись, а дивчата нивѣсть что подумали. *(Им).* Я же пошутил, мои махонькія!

СЕР. КОНД. А почему здѣсь так темно? Кто закрыл ставни? *(Подходит к окнам и открывает ставни).*

ШУРА. Нам, мамочка, стало страшно! — вот дѣдушка и прикрыл ставни! *(Смолько, махнув рукой, уходит налево).*

СЕР. КОНД. Ах, маловѣрные! все им ужасы мерещатся! Не сказано ль в Священном Писаніи, что “кто закрывает глаза свои, чтобы не видѣть зла, — будет обитать на высотах?”.

ЛУТОХИН (входит справа, “здрав и невредим”, в отличнѣйшем расположеніи духа). Здравствуйте, дорогія мои! Заждались? *(Здоровается, цѣлуясь с женой и дѣтьми).* А я тут заказ получил из Общественной Библіотеки. Ну и книги, доложу я вам! — нѣчто поразительное! И даром предлагаются народу! — Я даже прослезился! *(Сморкается, стыдясь своего умиленія).* Пойду в переплетную: работа не терпит!

СЕР. КОНД. А я посплю еще!

ШУРА и НЮРА (умоляюще). Только не долго, мамочка! Слышишь? *(Лишь только Лухтин с женою ушли, как свѣтъ в окнах меркнет, словно вечернія облака заволокли все небо).*

СТУДЕНТ (нагло осклабясь, входит, в сопровожденіи мрачнаго бородатаго субъекта; ему). Садитесь, товарищ, будьте как дома!.. *(Обрывает календарь, пока тот не показывает: 16 октября 1919 г.)*

НЮРА. Кого это вы к нам привели?

СТУДЕНТ. Замѣстителя народнаго судьи. Отец дома?

НЮРА. Да, а что?

ШУРА. Дарья сказывала, что “бѣлые” уж в трех верстах от нас и что у генерала Юденича чуть не миллионная армія!

СТУДЕНТ (принужденно смѣется). “Милліонная армія”!.. Да ее наш Троцкій перекрошит, как капусту! Вы забыли, что “красными” руководят не бездарные “Держиморды”, а культурные геніи, как наш Зиновьев, Каменев, Бухарин и Рыков!

ШУРА. А мамочка сказала, что и без бѣлой арміи вожди большевизма перебьют потом всѣх этих Каменевых, Зиновьевых, Бухариных и им подобных.

СТУДЕНТ. Много твоя мать понимает! — ей в психіатрической лечебницѣ мѣсто. *(Топая ногой).* Пошла вон отсюда, покуда цѣла!.. *(Раздается орудійная пальба).*

ШУРА (*простодушно*). Пойдем, дорогая! — “правда глаза рѣжет”! (*Удаляется с Нюрой нальво, в то время как справа входят, с портфелями в руках, Пончик — в “кожанкѣ”, Потапов — в военной формѣ, и Леонтій — матрос*).

ПОНЧИК (*торопливо здороваясь*). Здорово, товарищи! Надо быть на чеку: генерал Юденич под Гатчиной и не ровен час... Слышите, как палят?

СТУДЕНТ. Отобьют!

ПОТАПОВ (*здороваясь*). Не скажите! Вам, под дѣйствием кокаина, сам чорт не брат! А без кокаина оно по-другому выглядит! (*Оглушительный пушечный выстрѣл*).

БОРОДАЧ (*садясь за стол посрединѣ*). Не будем терять времени! За дѣло, товарищи! Садитесь! (*Всѣ, кромѣ Леонтія, занимают мѣста за столом, по бокам бородача*). Открываю засѣданіе Рев-трибунала, в порядкѣ ускореннаго судопроизводства, замѣняющаго “полевой суд”. Введите обвиняемаго!

ЛЕОНТІЙ (*пріотворяет дверь в переплетную и кличет*). Гражданин Лутохин!..

ЛУТОХИН (*входя*). Что это за собраніе?

ПОТАПОВ. Рев-трибунал, облеченный полнотою власти.

БОРОДАЧ (*протягивая Лутохину бумагу*). Ознакомьтесь с обвинительным актом! (*Пальба*).

ЛУТОХИН (*пробѣжав текст врученной ему бумаги*). Как!.. И царское правительство, и ваше одинаково преслѣдуют за ту же брошюру против войны?!.. Но вѣдь это же невѣроятно!

ПОНЧИК (*бородачу*). Кромѣ противодѣйствія гражданской войнѣ, Лутохин дискредитирует нашу партію, подозрѣвая товарища Малиновскаго в провокаціи, как агента царской полиціи!

БОРОДАЧ (*Лутохину*). Что вы можете сказать в свое оправданіе? (*Пальба*). Признаете себя виновным? Да или нѣтъ?

ЛУТОХИН. Перед законом Божеским — я..

БОРОДАЧ (*перебивая*). Бог отмѣнен, гражданин Лутохин! А потому — коротко и ясно: сознаешься аль нѣтъ? (*Пауза*). Молчишь? Ну так я за тебя отвѣчу: кто не с нами, тот *против* нас и в любой час может перекинуться к бѣлым! (*Обводя глазами собраніе*). А так как генерал Юденич — на подступах к Гатчинѣ, то предлагаю обвиняемому пулю в затылок и притом немедленно же!

ВСѢ. Правильно! Время не терпит!

БОРОДАЧ. Товарищ Леонтій, именем закона, приказываю вам тут же привести приговор в исполненіе!

ЛЕОНТІЙ (*вынимая револьвер из кобуры*). Есть, товарищ предсѣдатель! (*Подходит к Лутохину*).

ПОНЧИК (*визжит*). Только не здѣсь!.. У меня и так всѣ нервы разстроены из-за дежурства в Чека! Пожалуйте меня хоть немного!

БОРОДАЧ. Ладно! (*Леонтію*). Подожди! (*Ей*). Ох, нѣжности! (*Отдаленный треск пулеметов и ружейные залпы, из-за которых едва*

слышит слова бородача). Выведи его за ограду! (Он дѣлает жест рукой, указующій направо. — Леонтій тащит направо Лутохина).

ЛУТОХИН (упираясь). Безумцы!.. Так-то вы правите именем пролетаріата, купившаго себѣ кровью свободу?!.. (Леонтій, в остервененіи от слов Лутохина, выталкивает его, наконец, в дверь направо. Всѣ члены Рев-трибунала, как один, вытягивают шеи направо и вслушиваются, стиснув зубы. Секунда... дѣя, и — совсем близко, направо — раздается револьверный выстрѣл. Мгновенно наступает мгла, во время которой, у самой рамы, опускается, при тусклом освѣщеніи сверху, сырая стѣна, с пятнами сырости, забрызганная — на высоту человѣческаго роста — кровью. Справа слышен грубый окрик "herein" и тотчас же за ним входят, как бы втолкнуемые сюда силой, Леонтій, Студент, Пончик и Потапов. Всѣ четверо, сильно постарѣвшіе, одѣты в полосатые "касторжныя" одѣянія, в какія на-ряжали нѣмцы, в войну 1939-1945, своих жертв. У всѣх у них свя-заны спереди руки и вид людей, отчаявшихся в спасеніи. За ними входит нѣмецкій унтер-офицер, при оружьи и с хлыстом в руку. Он говорит на ломаном русском языкѣ).

УНТЕР-ОФИЦЕР (крикливо). Вставать к стѣнѣ и ожидаль рас-поряженій!

ЛЕОНТИЙ (робко). Пить хочется!

ПОНЧИК. Trinken, bitte schön!

УНТЕР-ОФИЦЕР (грозно). Schweigen!

СТУДЕНТ. Вот уж два дня, как мы без воды!

УНТЕР-ОФИЦЕР (замазываясь хлыстом). Aber schweigen! Hörst du mal?!.. (Посль паузы мертвой тишины, он уходит на-право).

ПОТАПОВ (когда тот скрылся). Вот сволочь паршивая!.. И кто это нас выдал, товарищи? Вѣдь этому имени нѣтъ!

ЛЕОНТИЙ. Нюрка выдала! Кто же другой!

СТУДЕНТ. Нюра? Вы увѣрены?

ЛЕОНТИЙ. А кто же, как не вы, ее обезчестили!

СТУДЕНТ. А кто же, как не вы, ее отца застрѣлили!

ПОНЧИК (жалобно). Меня ноги больше не держат!.. Это же фор-менная пытка!

ПОТАПОВ (оборачиваясь к стѣнѣ). Вишь, сколько пятен крови!

СТУДЕНТ (в полном отчаяніи, тихим голосом). Хоть бы умереть поскорѣе!

ЛЕОНТИЙ. Успѣете!

ПОНЧИК (прерывистым голосом). И подумать, что все это свер-шается в началѣ XX вѣка! Невѣроятно!

ПОТАПОВ. Какое там "в началѣ"! Уже середина XX вѣка!

ЛЕОНТИЙ. И вправду: 1944-ый не за горами! А давно ли была первая мировая война!

ПОТАПОВ. Не сумѣли заключить тогда мира в Берлинѣ, вот и получила "тридцатилѣтняя".

УНТЕР-ОФИЦЕР (возвращаясь с небольшими щипцами, читает по запискѣ). Кто есть Потапов, бывший фельдшер?

ПОТАПОВ. Я.

УНТЕР-ОФИЦЕР (развязывает ему руки, засунув щипцы за кушак). Achtung! Кто имѣет золотые зубы? Коронки и пломбы?... (Раздаются отѣтты: “у меня”, “у меня”, “у меня”). Карашо! (Передавая Потапову щипцы). Начальство велит у всѣх выдергивать золотые зубы и коронки. Берись дружно за дѣло и работай прилежно!.. Я сейчас вернусь. (Уходит).

ПОТАПОВ (вертит, в нерешительности, щипцы). Ну, братцы... Сами понимаете: не моя тут воля... Так что открывайте рты, чтобы лишних неприятностей не было!

ПОНЧИК (испуганно). А зачѣм им приспичило забрать наше золото?.. (Потапов в это время орудует щипцами во рту студента).

ЛЕОНТИЙ. А зачѣм, что нас в “расход” видимо записали. И чтоб не пропадало даром...

ПОНЧИК (перебивая). Нас убьют?!

ЛЕОНТИЙ. А на что мы нужны им? — возраст у нас уж не маленькій, для работ не годимся.

ПОТАПОВ. Недаром газовыя печи они понастроили! — Не мы первые, не мы послѣдніе!.. (Гдѣ-то совсѣм близко слышен заразительный смѣх Серафимы Кондратьевны. — Осужденные переглядываются, в паническом ужасѣ. Наступает вмиг темнота, во время которой окровавленная стѣнка поднимается, как занавѣс, чтоб открыть вид на столовую Лутохиных. Эта столовая представляется явно преображенной: раскрытыя в сад окна кажутся выше и шире, на столѣ, под художественным чайным сервисом, радует взор красиво вышитая скатерть, на стѣнах развѣшаны умиротворяющіе дух пейзажи, по углам разставлены: комфортабельная мебель, пьянино и радиоаппарат новейшей конструкции. В окна виден, залитый солнцем, фантастическій город будущаго, гдѣ стройныя зданія, с воздушными башенками и льсенками, тонут в темной зелени великолѣпных деревьев. — Стѣнной календарь все на том же мѣстѣ; на нем дата “20 августа 1944 года”. — За столом “чайничают” Серафима Кондратьевна и двѣ ея дочки, всѣ трое в элегантных “пенюарах”).

СЕР. КОНД (продолжая смѣяться). И приснится же такая ерунда!.. А?.. Нѣчто до смѣшного невѣроятное!

З А Н А В Ъ С

Э П И Л О Г

Сцена представляет собою “террасу”, на крышѣ высокаго дома, нѣсколько необычной архитектуры. Справа и слѣва, у рампы, красуются трельяжи, с вьющимися розами “Gloire de Dijon”. Налѣво, в глубинѣ, трельяж образует небольшую арку, служащую как бы откры-

тою дверью, ведущую вниз, — на предполагаемый лифт. Направо же, в глубинѣ, отступя от трельяжа, высится башенка, тонущая в небѣ, с ажурной, вьющейся вокруг нея, лѣстницей, ведущей на ея вышку.

В общем, эта терраса отдаленно напоминает, своим мѣсторасположеніем, столовую Лутохиных, в ея преобразенном аспектѣ 8-й картины. — Там же и тот же самый стоит стол, с окружающей мебелью; там же приблизительно установлен и радиоаппарат, новѣйшей конструкции; тот же, наконец, — но уже совершенно “открытый” — представляется вдаль и вид на город будущего, среди темной зеленой листвы.

Огромный календарь направо, совсѣм близко от рампы, попрежнему привлекает вниманье; но висит он теперь не на выступѣ стѣны, а на выступѣ трельяжа, среди вьющихся роз, один из бутонов которых закрывает случайно годовичную дату дѣйствія; видно только: “20 іюля 19...”.

При поднятіи занавѣса, за столом сидят Нюра и Шура, чуть-чуть повзрослѣвшія, в изящных платьицах, и бѣгло записывают в тетрадки то, что им диктует “вѣчный студент” Воскресенскій, рассказывающій по террасѣ, в лѣтнем одѣяніи спортивнаго покроя. Он все такой же. в общем, что и раньше, но сильно постѣдѣл, — что ему крайне к лицу, на котором не осталось и слѣда былых прыщей, — в очках, вмѣсто пенсне, очень “уравновѣщенный” теперь в своей манерѣ руководить занятіями младших “коллег”.

Закатный, тихій час, перед “бѣлою ночью”... Из сада доносится мелодичное пѣніе птичек... Гдѣ-то далеко-далеко разливает усладу нѣжная струнная музыка.

СТУДЕНТ (начав свою рѣчь еще до поднятія занавѣса). ...что было обусловлено как сокращеніем путей сообщенія, — благодаря овладѣнію стратосферными рейсами, — так и услугами телевидизіи, благодаря коим населеніе земнаго шара оказалось еще болѣе сплоченным, в своих интересах, чѣм раньше.

ШУРА. Вы об этом говорили уже прошлый раз!

СТУДЕНТ (мягко). Помню... — я хочу лишь резюмировать сказанное!

ШУРА. А-а!.. простите!

СТУДЕНТ (продолжая начатую рѣчь). Как я уже объяснил вам, — момент уравненія в правах всѣх и каждого совпал с такой реорганизацией труда, послѣ которой машина превратилась из “проклятія” безработицы в ея “благословеніе”. — Спрашивается: каким образом это стало возможным? *(Пауза. Он дѣлает пригласительный жест Шурѣ).* Помните?

ШУРА (отвѣчая как “урок”). Гм... В мірѣ образовались столь огромные запасы продуктов, что для них уже не находилось покупателей. Это привело к массовому увольненію рабочих и к смертельной угрозѣ для индустріальнаго капитала.

СТУДЕНТ. Вѣрно. И какое правило из этого извлекли экономисты?

ШУРА. То, что всякое машинное производство стремится к развѣтлю, а прижмѣніе рабочих в таком производствѣ — к сокращенію.

СТУДЕНТ (от души). Bravo, Шурочка! — вы сдѣлали такіе успѣхи, что сердце радуется.

НЮРА (цѣлуя сестру). Молодец, Шурѣха! Любо-дорого слушать! Меня заткнешь скоро за пояс! *(Слѣва снизу входит Дарья. Она в полуспортивном облаченіи, с красиво обстриженными волосами, в элегантных сандалях на босу ногу и в пенснэ. Говорит без малѣйшаго простонароднаго акцента).*

ДАРЬЯ (слегка присѣдая). Простите, — я насчет чая. Там пришли гости *(показывает вниз)* и Серафима Кондратьевна просила узнать, скоро ли вы кончите занятія! *(Поправляет пенснэ).*

СТУДЕНТ (прочищая свои очки). Сію минуту! — так и передайте, Дарья Михайловна! — сію минуту!

ДАРЬЯ. Отлично! *(Уходит).*

НЮРА (Воскресенскому). Надѣюсь, вы останетесь скоротать с нами вечер?

СТУДЕНТ (жланяясь). Если... не помѣшаю!

НЮРА. Ну что вы! — мы вас считаем за родного!

СТУДЕНТ. Тронут!.. *(Шурь).* Послѣдній вопрос: — как вы представляете себѣ основной маневр экономики, приведшій к нашей эрѣ всеобщаго благоденствія?

ШУРА. Человѣчество убѣдилось, что могло бы — при своих сверхмашинах — и кормиться, и одѣваться, и квартироваться почти даром! — стоило пустить лишь машины во всю мочь! — онѣ вѣдь стали сущими освободительницами людей от напрасной работы!.. И вот, когда человечество научилось извлекать атомическую энергію из пригодных к тому элементов, — машины получили неистощимый источник движенія и... наступила эра всеобщаго благоденствія. *(К концу ея рѣчи, сверху доносится шум пропеллера и все явственнѣе и явственнѣе раздаются, в его смутном воркующем грохотѣ, слова “Шура, Шура, Шура, Шура”...).*

СТУДЕНТ (аплодируя Шурь). Bravo, брависсимо! Пять с плюсом! Вы могли бы стать лектором по новѣйшей исторіи! — я говорю не шутя!.. *(Жмет ей руки, в то время как Нюра ее цѣлует).*

ШУРА (подняв голову кверху). Спасибо, — польщена, но... Вы не слышите?.. *(Пауза. Слышно только имя “Шуры”, среди тѣсни пропеллера).* Миша кружит над моим гнѣздом! А меня там нѣтути! Хороша, нечего сказать!.. *(Прибирает свои тетради).* Бѣгу! Не то обидится! *(Убѣгает вглубь направо, за башню. — Нюра поворачивает кнопку радиоаппарата и из него начинается нѣжная усадилельная мелодія).*

СТУДЕНТ (прохаживаясь по террасѣ с Нюрой). Как она поправилась за послѣднее время!

НЮРА. Доктор Дробницкій — настоящій волшебник! Вам тоже

доктор сильно помог! Ах, каким вы были раньше несносным! (*Смеется*).

СТУДЕНТ. Я страдал от “inferiority complex”... Немудрено — раз приходилось жить в обществе гдѣ царили не сердце и ум, а тугие бумажники! К тому же, знаете ли (*смеется*), когда руки потѣют и прыщи на лицѣ, — весь мир представляется в мрачном свѣтѣ!

НЮРА (*смеется*). Вас теперь не узнать!.. (*Смотря в сторону, идѣ скрывается Шура*). Смотрите, как она ловко карабкается!.. Ай да Шура! И какое чудное гнѣздо она свила себѣ на верхушкѣ дуба!

СТУДЕНТ (*залюбовавшись зрѣлищем приковавшим взор Нюры*). Замѣчательно!.. Как в сказочном циркѣ!

НЮРА (*послѣ краткой паузы*). А вы все еще любите меня? (*Он склоняет голову*). Попрежнему?

СТУДЕНТ. Еще сильнѣе... только... по другому! Раньше я любил болѣзненно! — хотѣл надругаться над тѣм, чему поклонялся! Вы так злили меня своей неприступной невинностью!

НЮРА. А теперь? (*Срывает розу с трельяжа*).

СТУДЕНТ. Теперь, когда вы вышли замуж, я... я даже порадовался тому, что духовная любовь к вам превозмогла во мнѣ плотскую!

НЮРА (*засовывает ему розу за пояс*). Вас дѣйствительно теперь не узнать!

СТУДЕНТ (*посмѣиваясь*). Да и других тоже! — Взять хотя бы Потапова-фельдшера, каким он был до операціи и каким стал послѣ!.. А Ксенія Львовна! Всѣ только и говорят, что об идеальном спокойствіи и кротости “мадам Потаповой”! Или взгляните на Леонтія, послѣ излеченія его желчнаго пузыря!.. А ваш дѣдушка! Вѣдь это замѣчательно, как...

НЮРА (*перебивает, прислушиваясь*). Никак его голос? (*Остановливает радио*).

СТУДЕНТ (*улыбается, как бы что-то вспоминая*). Он всегда был тут, как тут, при нашем “tête-à-tête”! (*Слева, снизу, входят, бесподуя, доктор Дробницкій и Смолько. — Доктор мало изменился: все такой же бодрый, энергичный “очкастый интеллигент”, върный еще военной выправкѣ, но уже не в военной одеждѣ: на нем парусиновый спортивный костюм и высокія сандалии. Зато старика Смолько лишь с трудом можно признать в помолодѣвшем лѣт на десять Кондратіи Петровичѣ, оставшемся попрежнему върным своей “морской формѣ”*).

ДОКТОР (*продолжая бесѣду*). ...и все это заживает теперь в лучшем видѣ. Ну а как у вас “анкилозы”? Не появляются больше?

СМОЛЬКО. А шѣ такѣ “анкилозы”, звывняюсь? (*Задумывается, почесывая затылок*).

ДОКТОР (*здороваясь с Нюрой и Студентом*). Забыли, что значит “анкилозы”? Вот это ловко! (*Хочочет*). Эдак я пожалуй и сам забуду скоро и про “анкилозы”, и про всѣ болѣзни на свѣтѣ!.. Помните, я обѣщал вам нѣчто вродѣ “эликсира жизни”? А? Ну что, врал я вам?

СМОЛЬКО (крякает). Оно дѣйствительно!.. Узнать себя нѣ в мочь до чего сил прибавилось. Ажно конфузно в мои годы.

ДОКТОР. Вот видите!.. А вид у вас грустный! Что за неувязка! Извольте быть веселым! — того требует наука!

СМОЛЬКО (печально). Нѣ могу, доктор! — увольте!.. Потому как вспомню, что умерли сыночки мои на войнѣ с Японіей, и что не увидѣть им уж нынѣшней жизни привольной... аж слеза прошибает горючая! (*Сморкается с трубным звуком*). Звыняюсь!

ДОКТОР. Нда... на это ничего не возразишь! Много бѣд принесла международная рознь! Я сам чуть было Миши своего не лишился!

СМОЛЬКО (вытирает глаза). Нѣ понимали, дурни, что пора уж остановиться!.. Не можно ж все драться да драться, будто всѣм мѣста на свѣтѣ не хватит! (*Слева, снизу появляются, оживленно болтая, Серафима Кондратьевна, в обнимку с Ксеніей Львовной Пончик-Потаповой, и Лутохин, под руку с Потаповым, — все выглядят здоровяками, окрѣпшими и даже словно бы похорошѣвшими, несмотря на преклонные годы. Одѣты все в легкіе изящные костюмы, согласно модѣ наступившей эры благоденствія; особенно красиво и богато наряжена Пончик-Потапова*).

СЕР. КОНД. (Ксеніи Львовнѣ). Душенька, не спорьте: сегодня Ильин день и обязательно будет гроза!

ПОНЧИК-ПОТАПОВА. Увѣряю вас, душенька, что сегодняшняя гроза отмѣнена правительством!

СЕР. КОНД. Как так “отмѣнена”?

ПОНЧИК-ПОТАПОВА. А так что хлѣбные злаки не нуждаются больше в дождѣ и потому тучегонители его не допустят.

СЕР. КОНД. (улыбается, словно спохватившись). Вы правы, — я все забываю, в какой вѣкъ мы живем! (*Кличет вниз*). Дарья Михайловна! А как насчет чаю?

ГОЛОС ДАРЬИ. Сію минуту!

СЕР. КОНД. (всѣм). Садитесь, господа, гдѣ кто хочет! (*Садится за стол*).

ПОНЧИК-ПОТАПОВА (доктору). А гдѣ же ваш сын?

ДОКТОР (показывая на небо). А вон! Видите авіон, что кружит вокруг дуба? (*Слышен гул пропеллера, словно выговаривающаго “Пура, Пура”*).

ПОНЧИК-ПОТАПОВА (смотря на небо). А-а!.. вижу, вижу! (*За-любовавшись*). Какой плавный полет!.. Вот чудо-летчик!.. Как должны вы гордиться, Борис Борисович! (*Сложив руки рупором, кричит вверх*). Прилетайте к нам чай пить!.. По вас папа скучает! (*Смѣется*).

НЮРА (кричит вверх). И жена-а!

МИША (вбѣгая слева со смѣхом). Рад стараться! (*Здоровается со всѣми*). Кто это скучает по мнѣ? Отче и Нюрочка? (*Цѣлует ее и доктора*). Напрасно изволите утруждаться: — я здѣсь и к вашим услугам!

СТУДЕНТ (*отпилив*). Позвольте... а там кто ж летает? Развѣ это не ваш аппарат?

МИША. Мой!.. Но пилотирует механик Леонтій!

СТУДЕНТ. Товарищ Леонтій? (*Входит Дарья с подносом, уставленным лакомствами и чашками с дымящимся чаем*).

МИША. Так точно. И отлично пилотирует, должен признать!

СТУДЕНТ. А как же Шурочка?.. Вѣдь она думает, что это вы там парите!

МИША (*от души*). И пусть думает! — она любит засыпать под “колыбельную” моего авіона! А я задерживаюсь порой по дѣлам! Вот Леонтій и летит тогда мнѣ на выручку! (*Всѣ добродушно смеются. Дарья уходит*).

СЕР. КОНД. (*ко всем*). Милости просим! — кто хочет чаю? (*Угостит. — Гости с благодарностью откликаются на радушіе хозяйки; кто присаживается к столу, а кто, — взяв в руки чашку и печенье, — чуть-чуть поодаль. Нюра и Миша садятся рядышком отдельно от других, совсем близко к рамѣ и, преисполненные взаимной любви, нжно держатся за руки*).

ДОКТОР (*хозяйкѣ*). А мнѣ некогда, Серафима Кондратьевна: — больные ждут!

СЕР. КОНД. Да неужто есть еще больные на свѣтѣ? Когда же вы их всѣх перелечите? (*Общій смѣх*). Вон мой батя уж чего старѣе, и тот поправился!

ДОКТОР. Всѣ скоро поправятся — дайте срок! А пока новыя болѣзни регистрируются, о которых раньше говорили, как о чем-то “нормальном”!

ЛУТОХИН. Напримѣр?

ПОТАПОВ (*отвѣчая за доктора*). Напримѣр, *глупость*! Прежде на глупость не обращали вниманія, потому что, как сказал Гете, — “gegen Dummheit kämpfen Götter selbst vergebens”, т. е. “сами боги безсильны против глупости”! А теперь ей объявлена война!

СЕР. КОНД. (*всплескивая руками*). Опять война! Кто же это смѣл ее объявить?

ДОКТОР. Успокойтесь, Серафима Кондратьевна! Война с глупостью совершенно безкровна! (*Общій смѣх*).

ЛУТОХИН (*доктору*). Нѣт, серьезно: это не шутка? Глупость теперь излечима?

ПОНЧИК-ПОТАПОВА (*Лутохину*). Развѣ вы не слышали о вприскиваніи мозгового экстракта, в связи с пересадкой щитовидных желез?

ЛУТОХИН (*вздыхая, с грустной ироніей*). Эх! Запоздало это открытіе, ей Богу! — сколько бѣд натворили глущцы у “кормила правленія”! — и не счастье всѣх их жертв!

ДОКТОР. Ну, я бѣгу!.. (*Прощается со всеми и уходит. — Наступает молчаніе, в котором стихает наконец шум пропеллера*).

СТУДЕНТ (*с легкой тревогой в голосѣ*). Забыл спросить у доктора об одной странной вещи.

ЛУТОХИН. О чем?

СТУДЕНТ. Мнѣ временами кажется, особенно, когда я бываю у вас...

СЕР. КОНД. (насторожившись). Что?.. Что кажется?.. (Всѣ напряженно ждут ответа студента, как какого-то "откровения").

СТУДЕНТ. Гм... будто чего-то мнѣ не хватает... (Слегка оживившись). Гм... Какой-то мелочи, какого-то пустяка, который бы придал окружающему реальность.

СЕР. КОНД. (усмѣхаясь). Какой еще "реальности" вам надо?

ПОТАПОВ (почти мистически). И мнѣ порою сдается, будто то, что мы видим, — не настоящая дѣйствительность, т. е. не та, в которой Малиновскій, напримѣр, и вправду оказался провокатором, обманувшим самого Ленина, и что...

ПОНЧИК-ПОТАПОВА (пугово перебивая). А вдруг все это благоденствіе нам только грезится? — Морока и больше ничего?

НЮРА (прижимаясь к Мишѣ). О чем они говорят? — мнѣ не по себѣ от этих разговоров.

МИША (тихо). Успокойся!.. Не надо быть мнительной... (Цѣлует ее нѣжно-нѣжно и прижимает к груди, как бы защищая от какого-то страшнаго наважденія).

СЕР. КОНД. (прищурив глаза, поворачивается в сторону Пончик). "Морока", говорите вы?

СТУДЕНТ. Да, да! — будто стоит только "дунуть-плюнуть" и все это наважденье исчезнет.

СЕР. КОНД. (повернувшись к студенту). "Наважденье", вы предполагаете?.. (Пауза). Так "дуньте-плюньте", за чѣм же дѣло стало?.. (Повернувшись к Потопову). Ну?.. (Наступает тяжелое молчаніе).

ПОТАПОВ ("поджав хвост"). Да я, собственно, так сказал... вообще...

СЕР. КОНД. (язвительным тоном, каким говорят колдуньи, задѣтая за живое). Что значит "так сказал"?.. (Почти бормочет). Хочется бѣду накликасть, так сдѣлайте одолженіе! — накликасть бѣду один миг!

СТУДЕНТ (неуверенным тоном, с извиняющейся улыбкой). Не сердитесь, но только мнѣ снилось, будто война тогда — в 1914 году — все-таки началась и, послѣ перемирія, вновь разразилась, через нѣсколько лѣт, причем мы проявили, с англо-саксами и французами, неслыханное геройство, в побѣдѣ над безчеловѣчным врагом!

СЕР. КОНД. (полу-язвительно). А вам не снилось, какую цѣной эта слава была достигнута? Не снились города, стертые с лица земли бомбардировками? Десятки милліонов человѣческих жертв, искалѣченных, замученных в плѣну и обезумѣвших от голода и бездомнаго существованія?

ПОНЧИК-ПОТАПОВА. А вы знаете, и впрямь нѣчто подобное мнѣ снилось! И так реально, знаете ли, что окружающій нас мір мнѣ кажется теперь как бы "незаконнорожденным" и потому не имѣющим

права на существованье! — словно в этом мірѣ не хватает того, что...

СЕР. КОНД. (грозно шипит, топая ногой). Чшш!.. (Пауза. — *Всѣ смотрят на нее, слегка сжегившись... И вдруг она раздражается веселым смѣхом. А за нею, сначала понуждая себя, а потом и взаправду — начинают смѣяться всѣ присутствующіе*). Что?!.. Испугались, голубчики!.. (Передразнивая) “Чего-то не хватает”!.. Скажите, какіе ненасытные! — у них все есть, чего душа желает, а им “чего-то не хватает”! Какой-то гръшной правды, — вот как Адаму и Евѣ, когда все было к их услугам в раю!.. Чего вам хочется? Говорите!.. Сорвать покровы со страшной стихіи и снова быть изгнанными из рая?.. (К послѣдней фразѣ снова появляется Дарья, с подносом, уставленным чашками чая). Пейте лучше чай, господа, и перестаньте капризничать! (Всѣ дружно смѣются и откликаются на приглашеніе хозяйки дома. Нюра подсказывает к радиоаппарату и извлекает из него упоительные звуки симфоническаго оркестра, как вдруг всеобщее вниманіе привлекают три маленькаго ангела, появившихся неожиданно наверху лѣстницы обвивающей башню направо. На них фосфоресцирующія голубоватыя одянія, а за спинами полу-прозрачныя трепещущія крылышки; на вид это сущія дѣти, один другаго очаровательнѣе. При видѣ их присутствующіе замирают, в восторженном созерцаніи).

ЛУТОХИН (прерывая всеобщее молчаніе, ласковым голосом). Откуда вы, дѣти?.. Что вам угодно? (Нюра разом прекращает радио-музыку).

1-ый АНГЕЛ (учтиво поклонившись спрашивает тоненьким голоском). Простите, пожалуйста, — не здѣсь ли живет раба Божія Серафима, по отчеству Кондратьевна?

СЕР. КОНД. (встает). Здѣсь, здѣсь!.. Чѣм могу вам служить? (Подходит к ангелам).

1-ый АНГЕЛ. Нам поручено передать вам вот это письмо! (Внимает из-под крылышка у другаго ангела голубое письмо с золотыми печатями).

СЕР. КОНД. От кого это? А? От кого?

1-ый АНГЕЛ (немного спускается с лѣстницы и передает ей письмо). Это от ваших родственников!.. Прочтите и вам все станет ясно!

СМОЛЬКО (подходя к ангелам). Ишь махонькіе какіе! Заходите к нам, хлопчики! Мѣста всѣм хватит! Не хотите ли чаю? (Серафима Конд. отходит в сторону, вскрывает конверт и углубляется в чтеніе полученнаго письма).

1-ый АНГЕЛ (кланяясь Смолько). Спасибо!.. Позвольте только осмотрѣться сначала!

2-ой АНГЕЛ (совсѣм “карапуз”). Как у вас здѣсь хорошо!.. Тихо-тихо!.. И бѣлки по елкам прыгают!

1-ый АНГЕЛ. Можно у вас... поселиться поблизости? Мы не обезпокоюм своим сосѣдством?

ЛУТОХИН. Да нисколько! Сдѣлайте одолженье! — будем очень рады!

2-ой АНГЕЛ (*показывая на сад*). У вас тут уж занято одно дерево! — мы сейчас пролетали... Там дѣвочка одна спит!

1-ый АНГЕЛ. А можно и нам по сосѣдству свить себѣ гнѣздышко?

СМОЛЬКО. Да выбирайте любое дерево!

ПОТАПОВ (*подходя конфузливо к лѣтницѣ, на которой расположились ангелы*). А вы собственно кто такіе будете, разрѣшите спросить?

1-ый АНГЕЛ (*скромно*). А мы — вѣстники Божіи!

ПОТАПОВ. “Вѣстники”?

2-ой АНГЕЛ. “Ангелы”, как нас кличут в молитвах!

ПОТАПОВ. “Ангелы”?! То-то я вижу крылышки у вас на спинѣ! Ну, тогда все понятно! А то мнѣ сперва показалось, что — летчики!

1-ый АНГЕЛ. Нѣт, мы ангелы.

ПОТАПОВ. Теперь я вижу.

ЛУТОХИН (*ангелам*). Садитесь, пожалуйста!

1-ый АНГЕЛ. Благодарствуйте.

ПОТАПОВ. Мнѣ, признаться, не доводилось до сих пор встрѣчаться с вашей братіей, но... очень, очень рад!

2-ой АНГЕЛ (*с простодушіем ребенка*). А мы сейчас на аэропланѣ катались! Нас один летчик подвез, — Леонтіем звать! А то мы чуть было не сбились с дороги из-за... тучегонителей!

1-ый АНГЕЛ. Сегодня Ильин день, — мы по облачкам грозовым путь держали! А тучегонители нас с пути сбили! Спасибо, что летчик Леонтій нас выручил!

ЛУТОХИН. Да садитесь, ради Бога! Не стѣсняйтесь пожалуйста!

1-ый АНГЕЛ. Ах, “ради Бога”? (*Всѣ три ангела, при упоминаніи Бога, вмиг присаживаются на ступенях лѣтницы*).

ПОТАПОВ (*обрѣтая вновь присущую ему развязность*). А я, признаться, ребята, представлял вас совершенно другими!

2-ой АНГЕЛ. Каким же, дяденька?

ПОТАПОВ. А таким вот, как рисуют иногда на иконах: вродѣ как одна головка без туловища, а вокруг крылышки бѣленькія и больше ничего. (*Ангелы тихонько смѣются*). Я даже анекдот в этом смыслѣ запомнил, будто органист какой-то так здорово играл, что даже ангелята однажды слетѣлись послушать. Ей-Богу! Вот он это играет себѣ да играет, а ангелята эти самые летают себѣ да летают, пока у него в глазах не зарябило. — “Сядьте пожалуйста!” — взмолился органист. А ангелята в отвѣт чуть не плачут: — “И рады бы, — говорят, — да... не на что!” (*Ангелы заливаются дѣтским смѣхом, который звучит как серебряные колокольчики*).

СЕР. КОНД. (*прочитав письмо, доставленное ей ангелами, приходит в радостный экстаз и, с криком счастья, бросается на грудь Смолько*). Батька!.. Батька!.. Ты знаешь, кто пишет?.. Ваня и Сережа!

СМОЛЬКО (взволнованный). Ваня и Сережа?!

СЕР. КОНД. Они живы, живы и здоровы. Ей-Богу! Ваня хворал в плъну у японцев, а Сережа был контужен и словно без памяти всѣ эти годы! (Размахивая письмом). Господа!.. Мои братья живы! Слышите, живы?.. Мы считали их с батькой убитыми на войнѣ, а они вот что пишут! Прочтите! Батъка, я умру от счастья! (Плачет на груди Смолько).

СМОЛЬКО (взяв письмо в руки). Ну вот видишь, сѣрденъко! А мы с тобой чуть глаза всѣ не выплакали послѣ Русско-японской войны, — будь она проклята вмѣстѣ со всѣми войнами!

ЛУТОХИН и НЮРА. Да гдѣ же они? Гдѣ они сейчас?

СЕР. КОНД. (сквозь радостныя слезы). Ёдут сюда!.. в пути!.. Прочтите сами! — в письмѣ все сказано!

ЛУТОХИН (перехватив письмо у Смолько, читает, сильно нервничая). "...И хотя мы далеко еще от вас, — на дальнем, предальнем Востокѣ, — но уже в пути и надѣмся, что к сроку нашего свиданія вы будете уже готовы принять должным образом... выходцев с того свѣта!"

СЕР. КОНД. (с просветленным лицом, воздвѣ руки к небу). Мы будем готовиться!.. Мы будем готовы! (Раздается дѣтское пѣніе — "Слава в вышних Богу", — как бы исходящее из уст ангелов, преклонивших, к этому моменту, колѣни на ступенях лѣстницы. Вся присутствующіе поднимают взоры к небу и блаженно улыбаются).

З А Н А В Ъ С

Конец 8-ой картины был передѣлан Н. Н. Евреиновым послѣ второй мировой войны в соотвѣтствіи с послѣдующими политическими событіями.

А. К. Е.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ Н. Н. ЕВРЕИНОВА

(опубликованныя по-русски):

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, т. I (“Болваны, кумирскіе боги”, историческая драма, в 4 дѣйств., “Фундамент Счастья”, пьеса в 3 д., “Степик и Манюточка”, комедія в 1 д., “Красивый Деспот”, послѣдній акт драмы, “Война”, драма в 3 д.). Петербург 1908 г. (Изд. распродано).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, т. II (“Ярмарка на индикт св. Дениса” (уличный театр), “Три волхва”, литургическая драма XI в. “Веселая Смерть”, арлекиада, в 1 д., “Такая Женщина”, парадокс, в 1 д., “Бабушка”, отрывок из жизни, в 1 д., “Неизмѣнная Измѣна”, представленіе эксцентриков, в 3 картинах). Изд. Н. Бутковской, Петроград, 1914 г., (Изд. распродано).

“ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЛЮБВИ”, монодрама, в 3 дѣйствіях, изд. “Совр. Искусство”, Петр., 1917 г. (Изд. распродано).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ, т. III. (Репертуар “Кривого Зеркала”: “В Кулисах Души”, монодрама в 1 д., “Ревизор”, режиссерская буффонада, “Четвертая Стѣна”, пародія, в 2 карт., “Школа Этуалей”, в 1 д., “Кухня Смѣха” или “Міровой Конкурс Остроумія”, 5 шаржей — пародій на одну тему). Изд. “Академія”, Ленинград, 1923 г. (Изд. распродано).

“САМОЕ ГЛАВНОЕ”, для кого комедія, а для кого и драма, в 4 д. Петербург, 1921 г. (Изд. распродано).

“САМОЕ ГЛАВНОЕ”, для кого комедія, а для кого и драма, в 4 д. Ревель, 1921 г. (Изд. распродано).

“ТЕАТР ВѢЧНОЙ ВОЙНЫ”. Пьеса, в 3 д. и 4 карт. Изд-во “Москва”, Париж, 1928 г. (Изд. распродано).

“КОРАБЛЬ ПРАВЕДНЫХ”, драматическая эпопея, в 3 актах, “Петрополис”, Берлин, Театральный Сборник “Отрыв”. 1934 г. (Изд. распродано).

“ШАГИ НЕМЕЗИДЫ”, драматическая хроника, в 6-ти карт. Париж, 1956 г.

“ЧЕМУ НѢТ ИМЕНИ” (“Бѣдной дѣвочкѣ снилось”). Пьеса в 3-х дѣйствіях. Париж, 1965 г.

Готовятся к печати слѣдующія, никогда не опубликованныя, пьесы:

“Огонек в окошкѣ”, “Граждане 2-го сорта”,
“Любовь под микроскопом”, “Радио-поцѣлуй” и др.

Imprimerie BERESNIAK
20, rue du Faubourg-du-Temple
PARIS (11e)

Склад издания:
Les Editeurs Réunis
11, rue de la Montagne-Sainte-Geneviève
Paris - 5^e